

#### 4. 1933–1934 гг.

Начавшаяся в 1930 г. массовая коллективизация должна была решить задачу замены мелкотоварного уклада крупным. Уже в 1931 г. аграрная экономика региона перестала быть крестьянской. Организационно-производственной основой новых аграрных отношений стали колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись крестьяне. Следствием скоротечного реформирования аграрного строя стало падение производительных сил, особенно глубокое в животноводстве. Поголовье лошадей в Сибири в 1932 г. снизилось по сравнению с 1929 г. в 2 раза, КРС – в 2,1, коров – в 1,8, овец и коз – в 3,4, свиней – в 3,3 раза (см. Приложение 2, табл. 2.1). Снижение производства растениеводческой продукции было не столь катастрофическим, но тем не менее ощутимым. Общее сокращение посевной площади в Сибири составило 13%. Более всего пострадало зерновое хозяйство. По данным ЦУНХУ, в 1932 г. зерновых было засеяно на 18% меньше, чем в 1929 г. (см. Приложение 1, табл. 1.1).

Базовыми факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве являлись сверхнормативное отчуждение продукции, отсутствие у колхозников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и совхозах. Отчуждение сельхозпродукции, а также сохранность колхозной собственности обеспечивались внеэкономическим принуждением и массовыми репрессиями.

В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встала задача восстановления сельского хозяйства. Основные усилия при этом были направлены на развитие колхозного производства. В рамках реализации данной задачи, прежде всего, была реформирована система заготовок. Функционировавшая в начале 1930-х гг. контрактационная система заготовок сельхозпродукции отличалась нестабильностью заготовительных планов, которые в течение года могли неоднократно меняться в сторону увеличения. Дополнительные задания (т.н. встречные планы), как правило, получали колхозы, достигшие более высоких урожаев и выполнившие планы. Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их каких-либо стимулов для расширения производства.

В связи с этим в конце 1932 – 1933 г. контрактацию основных продуктов сельскохозяйственного производства (зерна, подсолнечника, картофеля, мяса, молока, шерсти) заменили их обязательными поставками государству, которые имели юридически оформленный налоговый характер<sup>1</sup>. Их размеры определялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланиро-

ванного посева или наличного поголовья. Возможный недосев в расчет не брался. Порайонные нормы утверждались край- и облисполкомами, которые, в свою очередь, руководствовались региональными нормами, определенными органами верховной власти страны.

Для колхозов, не обслуживаемых МТС, вводились более высокие размеры поставок продуктов растениеводства. Нормативы сдачи для «трудовых» единоличных хозяйств превышали колхозные, а дворы, отнесенные к категории «кулацко-зажиточных», обязывались сдавать продукции в полтора – два раза больше, чем «трудовые». Для колхозных дворов предусматривались особые нормативы поставок картофеля, большие, чем для колхозов, но меньшие, чем для единоличников. Колхозники, посеявшие зерновые на приусадебных участках, облагались по нормам, установленным для единоличных хозяйств. К мясopоставкам по порайонным нормам привлекались все колхозные дворы и единоличные хозяйства, *«независимо от их имущественного положения и от наличия в этих хозяйствах скота и птицы»*. Если таковые у них отсутствовали, мясо следовало купить у соседей или на рынке, а затем сдать государству. В этом случае власти рекомендовали бесскотным дворам коллективную покупку и сдачу скота. Для членов колхозов с товарными фермами предусматривались меньшие нормы сдачи или скидки с них. В то же время натуральное обложение колхозов по молоку и шерсти по сравнению с индивидуальным сектором сельской экономики было более высоким. Проживающие в сельской местности рабочие и служащие в том случае, если они не имели полевых посевов и не облагались сельхозналогом, от поставок сельхозпродуктов освобождались.

Поставки сельхозпродуктов провозглашались «первой заповедью»<sup>2</sup> всех категорий сдатчиков и должны были осуществляться в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками. Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось принудительным взысканием и денежным штрафом. Повторная недоимка грозила новым штрафом и привлечением к судебной ответственности. Налagать на сдатчиков дополнительные задания запрещалось, а все «излишки» продукции после завершения поставок должны были оставаться в их *«полном распоряжении»*.

Наряду с обязательными поставками сохранялась контрактация сахарной свеклы, льна, конопли, табака, махорки, овощей и сена. Объемы сдачи масличных, табака и махорки исчислялись по установленным в начале сельскохозяйственного года «твердым» погектарным нормам. Планы заготовок остальных контрактруемых культур определялись исходя из посевных планов (для сена – планов освоения сенокосных угодий) и заданий по урожайности (товарному выходу). Контрактуация сена оставалась безавансовой. Хозяйствам, контрактруемым по другим про-

дуктам, выдавались денежные авансы, продукты переработки (растительное масло, сахар, жмыхи и др.). Свекла, табак, махорка, масличные, лен и конопля, сданные сверх установленного плана, оплачивались по более высоким заготовительным ценам (т.н. премии-надбавки). Выполнение заготовительных заданий по контрактации, как и по поставкам, провозглашалось *«первоочередной обязанностью»* колхозов, колхозников и единоличников и должно было осуществляться в законодательно установленные календарные сроки<sup>3</sup>.

Переход к госпоставкам остановил вакханалию «встречных» планов и внес в систему натурального обложения определенную упорядоченность, но не затронул базовых принципов заготовительной политики сталинского режима. Сохранялись существующие до этого символические заготовительные цены на сдаваемую государству продукцию. Нормы сдачи были очень высокими. Рассчитанные на их основе заготовительные задания не изменялись даже тогда, когда они в условиях катастрофически низкого урожая превышали валовой сбор. Тем не менее и в этом случае колхозы обязывались сдать практически всю произведенную ими продукцию, за исключением выданной в качестве натуральных авансов колхозникам<sup>4</sup>. Недовыполненная часть задания переходила в недоимку и должна была погашаться в последующие годы. А зерно на семена и продовольствие отпускалось колхозам в виде подлежащих возврату с процентной надбавкой натуральных ссуд.

Запретив местным властям и заготовительным органам доводить до сдатчиков дополнительные задания, государство само фактически нарушало введенный запрет, возлагая на налогоплательщиков еще ряд натуральных податей. Значительное количество продуктов растениеводства, помимо обязательных поставок, у колхозов изымалось в качестве натуроплаты за работы МТС<sup>5</sup>.

В 1933 г. была отменена существовавшая до этого смешанная денежно-натуральная система расчетов колхозов с машинно-тракторными станциями по неизменным («твердым») расценкам. Вместо этого оплата работ, произведенных МТС, должна была производиться только натурой, а ее объем – составлять установленную долю от полученного колхозом урожая. С 1934 г. схема расчетов с МТС изменилась. Вводились зависящие от уровня урожайности плавающие поразрядные расценки полного цикла и отдельных видов работ. Хозяйство, отнесенное в более высокий разряд урожайности, платило МТС больше. По зерновым культурам, наряду с установленными расценками оплаты за весновспашку, взмет зяби, обработку паров, боронование и сев, предусматривался также процент отчисления от общего объема намолота молотилками и комбайнами МТС.

Согласно принятым в 1933 г. инструкциям, урожайность и предполагаемый сбор зерна, необходимые для исчисления размеров натуроплаты, устанавливались по т.н. нормально-хозяйственному принципу. На первом этапе работники межрайонных комиссий по определению урожайности (см. Ч. I, коммент. 85) перед началом уборки путем срезания колосьев с определенных квадратных метров и их ручного обмолота (метод «метрования») устанавливали биологическую урожайность, которая по стране в целом на 25–26% превышала амбарный урожай. Затем из «биологической» урожайности вычитались минимально допустимые властями *«технически неизбежные потери»*. При комбайновой уборке *«технически неизбежные потери»* зерновых устанавливались в размере 3–4% от урожая на корню, при уборке лобогрейками – 7–8%. Т.н. возвратные потери (в колосе, соломе, отходах) «неизбежными» не признавались и полностью включались в размеры определенной урожайности. Данная манипуляция преследовала задачу предотвращения попыток *«скрыть от государства действительный размер урожая»*, мобилизации колхозов *«на то, чтобы собрать весь созревший хлеб»*<sup>6</sup>. Определяемые таким образом размеры валового сбора по отдельным регионам и стране в целом использовались также при разработке государственного плана хлебозаготовок.

Натуроплата имела *«твердую силу закона, обязательного к точному и безусловному исполнению»*. Сельхозпродукты в счет оплаты работ МТС должны были поступать в установленные сроки. Просроченная натуроплата взыскивалась *«в бесспорном порядке»*, а на колхозы-недоимщики накладывался денежный штраф в размере стоимости несданной продукции. Объемы деятельности МТС постоянно увеличивались, а оплата их работы ложилась на плечи колхозов все более тяжелым бременем. В 1933 г. колхозы Западно-Сибирского края сдали зерна в счет натуроплаты в 2,1 раза больше, чем в предыдущем, а в 1934 г. – в 1,8 раза больше, чем в 1933 г.<sup>7</sup> Попытки же колхозов отказаться от дорогих и часто некачественных услуг МТС и проводить сельскохозяйственные работы исключительно своими силами квалифицировались как *«оппортунистическое игнорирование новейшей техники»*, *«саботаж комбайнизации»* и т.п. и жестко пресекались.

Характер натуральной подати имел т.н. хлебозакуп<sup>8</sup>, который от имени государства вела потребкооперация. Закупка хлеба осуществлялась на основе договоров и проводилась в колхозах и сельсоветах, выполнивших задание по обязательным поставкам, рассчитавшихся с МТС и закончивших засыпку семенных фондов. Закупочные цены на 20–25% превышали цены, по которым оплачивались поставки, но на порядок уступали ценам, предлагаемыми на рынке. Законодательство, регулирующее закупки, запрещало навязывать крестьянам обязательные задания по продаже хлеба.

Решение об этом должно было приниматься на собраниях колхозников или единоличников, без *«какого бы то ни было административного принуждения»*. Однако в реальной жизни данный запрет не действовал. План хлебозакупа принимался в Центре, а затем разверстывался по регионам и далее – по районам, сельсоветам, колхозам.

Основными плательщиками данной подати являлись колхозники. Доля единоличников в продаже хлеба, как и в хлебозаготовках в целом, была незначительной. Что же касается колхозов, то даже если договор о закупках заключался непосредственно с ними, на продажу шло зерно, предназначенное для выдачи на трудодни. СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим специальным постановлением от 8 августа 1933 г. запретили колхозам создавать какие-либо натуральные фонды помимо семенного, страхового семенного (размеры которого должны были в зависимости от урожая составлять от 10 до 15% годовой потребности в семенах) и фуражного. Весь хлеб, оставшийся после выполнения обязательств по поставкам и натуроплате, погашения недоимок, возврата семенных и продовольственных ссуд, а также засыпки указанных фондов, надлежало *«распределить полностью между колхозниками по трудодням»*<sup>9</sup>. Таким образом, хлебозакуп фактически являлся прогрессивным (возраставшим в годы высоких урожаев и соответственно увеличивавшихся выдач на трудодень) натуральным налогом на доходы, получаемые колхозниками за работу в «общественном» хозяйстве.

Отчуждение сельхозпродуктов у колхозов в счет обязательных поставок и других видов натуральных податей обеспечивалось традиционными для сталинского режима методами внеэкономического принуждения – психологическим прессингом, административным нажимом на колхозное руководство, судебными репрессиями.

Подъему колхозного производства должны были способствовать улучшение агротехники, зоотехники и его механизация. В планах сельскохозяйственных кампаний предусматривалось увеличение площади паров, зяблевой вспашки. Расширились масштабы борьбы с сельхозвредителями (саранчевыми, грызунами). С этой целью на границе с Казахстаном была развернута сеть т.н. машинно-истребительных станций. В конце сентября 1932 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление *«О мероприятиях по повышению урожайности»*<sup>10</sup>, в котором Наркомзему СССР поручалось в течение 1933 г. ввести во всех колхозах и совхозах севообороты *«как одно из лучших средств повышения урожайности»*. О необходимости их внедрения на начальном этапе коллективизации никто не помышлял. Более того, находились «специалисты», которые пропагандировали насаждение бессменной зерновой монокультуры.

С 1 января 1933 г. по 1 июня 1934 г. число МТС в Западно-Сибирском крае выросло с 158 до 220, в Восточно-Сибирском – с 64 до 72; количество тракторов в них в целом по региону – с 7,1 тыс. до 13,1 тыс. Летом 1934 г. МТС обслуживали 37,7% колхозов Западно-Сибирского и 33,0% Восточно-Сибирского краев. Абсолютно большая часть работ, выполненных тракторами МТС, приходилась на вспашку (в Западно-Сибирском крае – 58,2%, в Восточно-Сибирском – 64,7%), далее следовали молотба (по 19,8%), уборка (5,3 и 2,1%), посев (4,1 и 2,9%), боронование (3,1 и 1,1%), дискование (1,9 и 3,6%)<sup>11</sup>. Вырос парк зерноуборочных комбайнов и грузовых автомобилей. В 1934 г. их число в МТС Западной Сибири (в границах 1938 г.) увеличилось соответственно с 1147 и 740 до 2019 и 1250, Восточной Сибири – с 45 и 206 до 120 и 380. В 1934 г. в колхозах Западной Сибири комбайнами убрали 2,3% зерновых, Восточной Сибири – 0,5%<sup>12</sup>.

Одним из приоритетов аграрной политики советского государства провозглашалось организационно-хозяйственное укрепление колхозов. В его рамках проводились мероприятия по рационализации и оптимизации организации труда и производства в колхозах в целях повышения их производственного потенциала. В середине 1930-х гг. завершилось формирование постоянных производственных бригад. По данным выборочного обследования, проведенного в Западной Сибири в конце 1933 г., в производственные бригады было объединено 95% трудоспособного населения колхозов. В среднем полеводческая бригада состояла из 40–45 чел. В крупных колхозах могли функционировать бригады из 150 чел. и более<sup>13</sup>. На время полевых работ начали создаваться бригадные полевые станы, что позволило уплотнить рабочий день, сократить непроизводительные затраты рабочего времени. Была усовершенствована система нормирования, определены примерные нормы выработки. Активизировалось землеустройство колхозов.

Выросли масштабы строительства животноводческих помещений. Из колхозников, работающих на фермах, формировались постоянные животноводческие бригады. Была поставлена задача в течение 1934 г. перевести все обобщественное колхозное стадо продуктивного скота на фермы<sup>14</sup>. В Западно-Сибирском крае (в новых границах) на 1 июля 1933 г. на МТФ содержалось 85% колхозных коров, на 1 января 1934 г. – 90, на 1 января 1935 г. – уже более 97%. За 1934 г. количество молочно-товарных ферм в колхозах края увеличилось в 1,6 раз, овцеводческих ферм – в 2,4 раза, свиноводческих – в 1,7 раза<sup>15</sup>. К концу 1934 г. в колхозах региона на фермах находилось практически все поголовье КРС (от 93% в Восточно-Сибирском крае до 98% в Омской области и Западно-Сибирском крае) и абсолютно преобладающая часть мелкого скота (овец – от 87% в Омской области до 92% в Западно-Сибирском и Крас-

ноярском краях, свиней – от 79% в Восточно-Сибирском крае до 92% в Омской области и Западно-Сибирском крае) (см. Приложение 2, табл. 2.2). На 1 июля 1934 г. в колхозах Западно-Сибирского края (в границах того времени) насчитывалось 5409 МТФ, 2570 свиноводческих товарных ферм (СТФ) и 2023 овцеводческие товарные фермы (ОТФ). На каждую из них в среднем приходилось 174, 84 и 398 голов соответствующего вида скота. Из 11 479 колхозов края МТФ не имело 6070 колхозов (52,8%), СТФ – 8909 (77,6%) и ОТФ – 9456 (82,3%) колхозов (см. Ч. I, док. № 16).

В 1934 г. в Восточно-Сибирском крае было осуществлено укрупнение колхозов. В результате их число сократилось с 5115 на 1 января до 4387 на 1 октября. На указанные даты колхоз в крае в среднем состоял из 43,8 и 52,0 дворов соответственно. В конце 1934 г. в Западной Сибири насчитывалось 13040 колхозов (в Омской области – 4390, в Западно-Сибирском крае – 8650), в Восточной Сибири – 5565 (в Красноярском крае – 2345, в Восточно-Сибирском крае – 3220). На один колхоз в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях приходилось 162 и 87 трудоспособных членов, 667 и 300 га посева, 64 и 59 рабочих лошадей, 43 и 24 коровы<sup>16</sup>. Средние размеры колхозов в разных районах существенно отличались. На юго-западе региона было много крупных хозяйств, в которые входило от 300 до 500 дворов и более. Значительная часть колхозов в восточных районах имела карликовые размеры. При этом часть входящих в них дворов была расселена в мелких поселках и хуторах.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1933–1934 гг. осуществлялось под контролем и при непосредственном участии созданных в начале 1933 г. политотделов МТС и совхозов, которые представляли собой чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве<sup>17</sup>. Политотделы не подчинялись районным партийным и советским структурам и работали под руководством ЦК ВКП(б), политуправлений Наркомата земледелия и Наркомата совхозов СССР, политсекторов краевых земельных управлений и политических частей совхозных трестов, а также крайкомов ВКП(б). Главной задачей политотделов было обеспечение выполнения совхозами, МТС и колхозами государственных производственных и заготовительных заданий. С этой целью они контролировали своевременность и качество сельхозработ, занимались подбором и расстановкой руководящих кадров, обеспечением подготовки механизаторов, налаживанием организации и оплаты труда, укреплением трудовой дисциплины. Поскольку считалось, что основной причиной крайне низкой производительности труда в аграрном секторе экономики и царящей в нем бесхозяйственности является вредительство «классово враждебных элемен-

тов», первоочередные усилия сотрудников политотделов сразу после их создания сосредоточились на «чистке» колхозов.

Основной удар пришелся на управленческий аппарат колхозов. По данным А.С. Шевлякова, на 30 декабря 1933 г. в зоне деятельности 73 политотделов МТС Западно-Сибирского края было уволено около половины председателей. Политотделы Шипуновской, Славянской, Иконниковской, Славгородской МТС за 1933 г. сменили председателей почти во всех колхозах, а в некоторых – по 2–3 раза. К концу года, согласно отчетам 63 политотделов края, 1199 работников аппарата колхозов и руководителей среднего и низшего звена было исключено из колхозов «как классово чуждые элементы», еще 2959 чел. отстранено от должности. В целом было «вычищено» 49% завхозов, 33% бухгалтеров и счетоводов, 48% кладовщиков, 29% заведующих товарными фермами, 29% бригадиров, 29% заведующих товарных ферм, 26% учетчиков, 18% конюхов. По данным 26 политотделов МТС Восточно-Сибирского края, в ходе «чистки» из колхозов было исключено 153 председателя, 84 завхоза, 147 членов правления, 93 счетовода и бухгалтера, 83 кладовщика, 132 бригадира, 443 заведующих фермами, 2065 рядовых колхозников. Снято с работы 173 председателя, 72 завхоза, 88 членов правления, 86 бухгалтеров и счетоводов, 120 кладовщиков, 104 конюха, 36 заведующих фермами, 148 бригадиров. Снятие с работы нередко сопровождалось привлечением к уголовной ответственности. В Западно-Сибирском крае 1109 чел. из числа исключенных из колхозов и отстраненных от должности было отдано под суд. Чистке подвергались не только колхозы, но и МТС и совхозы. В 66 МТС за год уволили 12% трактористов. В Новосибирском маслостресте заменили 14 директоров совхозов из 25. В Восточно-Сибирском крае в 1933 г. сняли с работы 50% директоров совхозов<sup>18</sup>. Пик чистки пришелся на весну 1933 г. В начале лета 1933 г. в Западно-Сибирском крае была проведена высылка 1 тыс. семей, отнесенных к категории кулацких. Многие из них были перед этим «вычищены» из колхозов<sup>19</sup>.

Политотделы принимали жесткие меры по укреплению трудовой дисциплины. Они контролировали выходы колхозников на работу, ее качество. Во время весенней посевной кампании 1933 г. широкое распространение получили факты арестов и отдачи под суд колхозников, не выходявших на работу и не выполнявших нормы выработки. Особое внимание было обращено на борьбу с хищениями семенного зерна<sup>20</sup>. В ходе посевной кампании в Западно-Сибирском крае было привлечено к судебной ответственности и осуждено 3292 чел., в т.ч. 852 должностных лица различного уровня<sup>21</sup>. Помимо силовых методов воздействия применялись и экономические. Нужда в семенах и фураже для рабочих лошадей в значительной мере была покрыта за счет выданных колхозам

ссуд. Голодающие колхозники во время сева получили продовольственную помощь.

В полной мере судить о результатах «политотдельской весны» 1933 г. в колхозах Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев по данным, обнародованным в статистических сборниках середины 1930-х гг., невозможно, поскольку в них не указана площадь колхозного озимого сева. Без учета озимых посевные площади в колхозах Западной Сибири весной 1933 г. выросли на 5,5% (зерновых – на 9,9%), Восточной Сибири – на 9,7% (зерновых – на 13,4%). О ситуации в отдельных районах Сибири (в границах 1938 г.) можно судить по следующим данным<sup>22</sup>:

Край, область	Посев яровых в % к 1932 г.
Алтайский край	108,4
Бурят-Монгольская АССР	111,1
Иркутская область	99,0
Красноярский край	112,4
Новосибирская область	103,8
Омская область	102,0
Читинская область	115,4

Более низкие показатели прироста колхозной нивы в Западной Сибири, по нашему мнению, являлись последствиями голода. Если исходить из этого предположения, то зимой 1932–1933 г. в Западной Сибири наиболее сильный голод испытывало сельское население Зауралья, которое в конце 1934 г. вошло в состав Омской области.

Урожай в 1933 г. был значительно выше предыдущего. Хлеба в Западно-Сибирском крае, по официальным данным, собрали в 1,6 раз больше, чем в 1932 г.<sup>23</sup> Его уборка также прошла более организованно и в более сжатые сроки (см. Ч. I, док. № 14). Государственный план хлебозаготовок по всем их видам и секторам по краю был выполнен уже к 1 декабря 1933 г., т.е. на месяц раньше законодательно установленного срока. Успех уборочной и заготовительной кампаний в значительной степени был обеспечен продолжающимся давлением со стороны политотделов и прямыми репрессиями. За преступления, связанные с хлебозаготовкой 1933 г. (хищение зерна, потери зерна и плохое качество уборки, «преступно-небрежное» использование уборочных машин, «хищническая эксплуатация рабочего скота» и др.), осудили 6047 жителей края, в т.ч. 1997 должностных лиц. Во время уборочной кампании 1932 г. количество осужденных составляло 5371 чел., включая 1173 функционера. В связи с хлебозаготовками 1933 г. было осуждено (за невыполнение закона об обязательных поставках, сдачу недоброкачественного зерна, хищения, спекуляцию хлебом, образование преувеличенных фондов и др.) 9836 чел., в т.ч. 1 358 должностных лиц<sup>24</sup>.

Большинство колхозов смогли создать семенные, фуражные и продовольственные фонды. Выдача хлеба по трудодням стабилизировала продовольственное обеспечение их членов. За заслуги «*в деле проведения основных сельскохозяйственных работ (сев, уборка, засыпка семян), по укреплению колхозов и совхозов и выполнению обязательств перед государством*» Президиум ЦИК СССР 3 января 1934 г. наградил Западно-Сибирский край орденом Ленина<sup>25</sup>.

В 1934 г. позитивные сдвиги в колхозном полеводстве были закреплены. Прирост посевных площадей в колхозах Западно-Сибирского края за год составил 14,4% (зерновых – 16,9%), Восточно-Сибирского края – 11,9% (15,6%)<sup>26</sup>. В отдельных районах Сибири (в границах 1938 г.) произошли следующие изменения площади колхозного посева<sup>27</sup>:

Край, область	Посев яровых и озимых в % к 1933 г
Алтайский край	108,9
Бурят-Монгольская АССР	114,9
Иркутская область	113,9
Красноярский край	120,3
Новосибирская область	121,0
Омская область	106,8
Читинская область	111,8

В 1934 г. в Западной Сибири по предварительным прогнозам должны были собрать еще более высокий урожай. Чтобы компенсировать последствия сильного недорода на Украине, Москва, в нарушение закона о госпоставках, потребовала от руководства Западно-Сибирского края добиться существенного перевыполнения хлебозаготовительного задания как по объемам, так и по срокам сдачи. Частые дожди и прохладная погода затянули созревание зерна и начало уборочных работ.

Невыполнение календарных планов вызвало крайнее недовольство лидеров большевистского режима, которые, игнорируя объективную реальность, увидели причины неудач на «хлебном фронте» в неспособности партийных и советских органов региона преодолеть сопротивление «враждебных элементов» и потребовали от краевых властей немедленно принять «необходимые меры воздействия» к неплательщикам зерна и руководству отстающих районов, сельсоветов и хозяйств. В целях усиления эффекта устрашения от применения судебных репрессий в Западно-Сибирском крае был максимально упрощен порядок судопроизводства. Дела о «саботаже» хлебозаготовок рассматривались на широком освещаемых в прессе выездных сессиях судов в срочном порядке, с вынесением предельно жестких приговоров. Апелляционные определения по ним принимались в очень короткие сроки. 19 сентября Р.И. Эйхе получил от ЦК ВКП(б) право рассматривать апелляционные жалобы

осужденных к высшей мере наказания и лично санкционировать приведение приговоров в исполнение<sup>28</sup>.

С 5 октября по 4 ноября 1934 г. только выездными сессиями краевого суда по ст. 58-14 УК РСФСР «за саботаж хлебосдачи» и закону от 7 августа 1932 г. за хищения зерна были осуждены 919 человек, из них 240 приговорили к расстрелу (124 осужденных расстреляли с санкции Р.И. Эйхе), 258 получили 10 лет лагерей, 139 – от 5 до 10 лет лагерей, 188 – срок от 1 года до 5 лет и 44 человека приговорили к исправительно-трудовым работам<sup>29</sup>. Всего же с начала кампании по 1 ноября в Западно-Сибирском крае судами различных инстанций по делам, связанным с хлебоуборкой и заготовками, к различным мерам наказания было приговорено 7962 человека. По ст. 61 УК РСФСР было осуждено 4218 чел., в т.ч. 2283 единоличника. По этой же статье за невыполнение заданий по зернопоставкам в административном порядке оштрафовали 19 470 единоличных хозяйств и 606 колхозов. При этом сумма штрафов, взысканная с единоличников, в 8 раз превышала сумму, полученную от колхозов<sup>30</sup>.

В середине 1930-х гг. в регионе проводились и внесудебные карательные акции. В начале октября 1934 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло решение «за срыв хлебоснабжения страны» распустить колхозы «Валгус» и «Красная дубрава» Калачинского района, а их членов выслать на спецпоселение. С помощью административного и карательного аппарата руководству Западно-Сибирского края удалось добиться выполнения установленного Центром заготовительно-го задания в рекордно короткий срок – к 1 ноября.

Усилия властей по выводу животноводства из кризиса в колхозах Западной Сибири дали свои первые плоды уже в 1932/33 учетном году. Снижение стада КРС составило 2,6%, а количество коров выросло на 1,7%, телят до года – на 3,9, овец – на 1%. Гораздо более ощутимыми оказались сдвиги в свиноводстве. Численность свиней увеличилась в 1,8 раза. К некоторому сокращению падежа привело относительное улучшение объемов кормопроизводства, зоо- и ветеринарного обслуживания. Снизились забой скота и его сдача в счет мясозаготовок. В первом полугодии 1932 г. забой коров в колхозах края составлял 3,3% от их средней численности, в первом полугодии 1933 г. – 0,8, молодняка КРС старше 1 года – 5,9 и 1,6% соответственно. Сдача и продажа коров и телят практически прекратились, а молодняка – снизились с 10,4 до 1,6%. В колхозах Восточно-Сибирского края положение в 1932/33 г. оставалось тяжелым. поголовье КРС сократилось на 9,6%, свиней – на 16,4%. И лишь в овцеводстве был зафиксирован незначительный рост – 1,9%<sup>31</sup>.

Продуктивное животноводство в колхозах Восточной Сибири вышло из полосы кризисного развития лишь в 1933/34 г. поголовье КРС уве-

личилось на 2,8%, коров – на 10,5, овец и коз – на 24,3, свиней старше 4 месяцев – на 61,6%. Устойчивого роста численности продуктивного скота удалось добиться в хозяйствах Западной Сибири. Стадо коров и КРС в целом выросло на 14,6%, овец и коз – на 24,0, свиней старше 4 месяцев – на 38,0%<sup>32</sup>. Одним из источников пополнения колхозных ферм стала их покупка, в т.ч. и в порядке контрактации у членов колхозов и единоличников. Колхозник, вырастивший в своем хозяйстве нетель или корову и продавший их колхозу по государственной цене, освобождался на два года от обязательных поставок мяса и молока<sup>33</sup>. В формировании колхозного стада также участвовали совхозы.

В коневодстве ситуация изменялась значительно медленнее. В 1932/33 г. сверхнормативный отход лошадей продолжался и на востоке, и на западе региона. За 1933/34 учетный год их количество в Западно-Сибирском крае сократилось на 3%, а в Восточно-Сибирском – на 6%<sup>34</sup>. На состояние данной отрасли животноводства, помимо ее большей инерционности, влияло увеличение объектов тракторных работ. Объективный процесс постепенного снижения роли лошадей в сельскохозяйственном производстве вылился в создание теории скорого «отмирания» коня. Ее воплощением на практике стало недостаточное внимание к вопросам коневодства.

Принимались меры к налаживанию производства в совхозах региона. Нарастивалась машиновооруженность хозяйств. Продолжалось их разукрупнение. Часть принадлежавших совхозам земель передавалась колхозам. Одни хозяйства были ликвидированы, другие – изменили свою специализацию. В Западно-Сибирском крае в 1934 г. на базе 10 крупных зерносовхозов создали 22 хозяйства, 2 – перепрофилировали на овцеводство. В Восточно-Сибирском крае 4 зерносовхоза были разделены на два самостоятельных хозяйства каждый. В конце 1934 г. в Сибири функционировало 42 зерновых совхоза, 8 семеноводческих, 4 льноводческих, 216 молочно-мясных, 46 свиноводческих, 30 овцеводческих, 4 коневодческих, 9 свекловичных, 1 махорочный совхоз<sup>35</sup>.

Поскольку, по мнению экспертов, узкая специализация совхозов препятствовала достижению рентабельности хозяйства, в них начали внедряться дополнительные отрасли. В зерновых совхозах стали заниматься животноводством, в мясомолочных – свиноводством и овцеводством, в овце- и свиновозовых – разводить крупный рогатый скот. В 1934 г. число овец в мясомолочных совхозах региона выросло с 2,1 тыс. до 76,4 тыс., поголовье КРС в овцевозовых – с 3,8 тыс. до 37,9 тыс.<sup>36</sup>

Совхозы активно участвовали в реализации программы обеспечения скотом ЛПХ колхозников. Часть совхозного скота была передана для пополнения колхозных ферм. В 1933–1934 гг. совхозы Западной Сибири

продали колхозам 26,4 тыс. голов КРС, 25 тыс. овец, колхозникам – 40,6 тыс. телят, 20 тыс. овец, 13,5 тыс. поросят<sup>37</sup>. В итоге с 1 января 1933 г. по 1 января 1935 г. поголовье КРС в совхозах Сибири выросло на 7,1%, овец – на 12,9%, а коров и свиней снизилось на 4,1 и 1,4% соответственно<sup>38</sup>. Посевные площади в совхозах наращивались более высокими темпами. Их прирост в 1934 г. по сравнению с 1932 г. в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях, вместе взятых, составил 25,7%<sup>39</sup>.

Как указывалось выше, в 1932 г. коллективизация сибирской деревни приостановилась. В конце года в колхозах края состояло 63,2% и 49,6% крестьянских дворов Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев соответственно. Весной 1933 г. процесс коллективизации в Западной Сибири сдвинулся с места и к 1 июля достиг показателя в 68,7%. Однако затем начался новый и достаточно продолжительный застой. На 1 января, 1 апреля и 1 июля 1934 г. официально зафиксированный уровень коллективизации оставался неизменным и составлял 68,2%, а к 1 октября поднялся до 70,9%. Вне колхозов на указанные даты в западносибирской деревне находилось соответственно 393,8 тыс., 393,5 тыс., 393,3 тыс. и 387,2 тыс. крестьянских дворов<sup>40</sup>.

В Восточной Сибири динамика была несколько иной. Замедление темпов коллективизации перемежалось с ускорением. 1 июля 1933 г. ее уровень составлял 51,6%, 1 октября того же года – 58,3, 1 января 1934 г. – 59,9, 1 июля того же года – 65,7, 1 октября – 67,5%. При этом число колхозных дворов к началу октября 1934 г. увеличилось по сравнению с той же датой годичной давности всего лишь на 3,5 тыс.<sup>41</sup> Таким образом, в колхозы вступило около 7% семей бывших единоличников, большая же их часть покинула родные селения.

К приостановке коллективизации привело ослабление экономического и политического давления на единоличников. Основные усилия режима переключились на т.н. организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку и «социалистическое воспитание колхозников». Аналогичная ситуация сложилась и в большинстве других регионов страны. Около трети крестьянских хозяйств России, пережив кошмар первых лет коллективизации, приспособились к созданным условиям, а многие из них стали постепенно наращивать свою состоятельность.

В 1933 г. в Западной Сибири выросла средняя обеспеченность единоличников посевом. В 1932 г., по данным налогового учета, одно единоличное хозяйство в среднем засевало 1,04 га пашни, а в 1933 г. – уже 1,93 га. Общая посевная площадь в единоличном секторе экономики за год увеличилась в 1,4 раза<sup>42</sup>. На это повлияло предоставление государством семенной ссуды с целью преодоления последствий массового голода. В период весновспашки взаимопомощь между единоличниками

или даже непосредственную помощь им живым и мертвым инвентарем стали организовывать сельсоветы. Более определенными стали обязательства по сдаче государству хлеба. Ситуация в скотоводстве в силу большей инерции его развития по сравнению с растениеводством исправлялась медленнее. По данным налогового учета, в 1932/33 г. количество рабочих лошадей у единоличников Западно-Сибирского края снизилось на 21,9%, коров – на 11,7, овец – на 16,8%. В то же время поголовье КРС выросло на 6,3%, а свиней – на 89,5%<sup>43</sup>.

В 1934 г. неблагоприятные тенденции были преодолены и в продуктивном животноводстве. Стадо КРС выросло на 29,0%, овец и коз – на 20,4, свиней – на 108,2%. Сократилась лишь численность лошадей (всех возрастов) – на 9,3%. При этом средняя обеспеченность единоличников рабочими лошадьми незначительно увеличилась: с 59 до 60 голов на 100 хозяйств. Посевные площади в единоличном секторе экономики выросли на 7%, а средняя обеспеченность посевом – до 2,01 га на хозяйство<sup>44</sup>.

В Восточно-Сибирском крае почти 15%-ное увеличение уровня коллективизации с 1 июля 1933 г. по 1 июля 1934 г. обусловило сокращение пашни и поголовья скота у единоличников. В то же время средняя обеспеченность единоличных хозяйств скотом выросла.

Наметившееся в 1933 – первой половине 1934 г. улучшение положения единоличников вскоре вызвало негативную реакцию центральных органов партийного и государственного управления. Во второй половине 1934 г. наступление на единоличную деревню возобновилось. Наиболее действенным способом давления стало налогообложение. Изменения, внесенные в Положение о сельскохозяйственном налоге 1934 г. (увеличение норм вмененной доходности и ставок обложения), в сочетании с тщательным, неоднократно перепроверяемым и жестко контролируемым сверху учетом сельскохозяйственных и неземледельческих объектов обложения, дали в Западно-Сибирском крае двукратный рост его размеров. Почти в 2 раза увеличилось самообложение единоличников, в 3,5 раза – культсбор. Выросли в 1934 г. и тарифы обязательного окладного страхования единоличных хозяйств<sup>45</sup>.

В конце сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о введении дополнительного («единовременного») денежного налога на единоличные крестьянские хозяйства. Самые высокие ставки предназначались для единоличников, владеющих рабочим скотом. В Сибири это в абсолютном большинстве случаев была лошадь, которая позволяла своему хозяину найти заработок на стороне (перевозка пассажиров, грузов, работа на строительстве, лесоразработках) и тем самым обеспечить своей семье более высокий уровень материального благосостояния, чем у колхозников<sup>46</sup>. Повышенными были ставки налога и для хозяйств, име-

ющих доходы от продажи сельхозпродуктов на рынке. Для единоличников, «злостно» не выполняющих посевные планы и обязательства по госпоставкам, сумма налога удваивалась. Общие размеры единовременного налога в Западно-Сибирском крае почти на 60% превысила сумму сельскохозяйственного. Причем уплачиваться он должен был в предельно сжатые сроки (в Западной Сибири 50% суммы – к 1 ноября и еще 50% – к 20 ноября). Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае в 1934/35 г. увеличились в 3 раза<sup>47</sup>.

Чтобы заставить крестьян вовремя и в полном объеме платить старые и новые налоги и подати был кардинально пересмотрен перечень имущества трудовых единоличных хозяйств, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок. Теперь за неуплату налогов у них можно было экспроприировать все имущество, за исключением дома, топлива для его отопления и предметов домашнего обихода<sup>48</sup>.

Усиление налогового прессы вызвало нарастающее сокращение численности единоличников. Еще 14 ноября 1934 г. на собранном в крайкоме ВКП(б) совещании секретарей райкомов и начальников политотделов МТС северо-восточных районов Западно-Сибирского края местные функционеры жаловались Р.И. Эйхе, что они не смогли выполнить план хлебозаготовок по единоличному сектору и не смогут выполнить планы по хлебозакупу и сбору единовременного налога, потому что многие единоличники бросили свои хозяйства и «разбежались». С 1 октября 1934 г. по 1 января 1935 г. количество дворов, отнесенных к данной категории сельского населения, в Западно-Сибирском крае уменьшилось на 17%<sup>49</sup>.

В качестве одного из стимулов коллективизации рассматривалось улучшение благосостояния колхозников. Этому в значительной степени должно было способствовать определенное расширение размеров ЛПХ. Еще 26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором осудил практику тотального обобществления скота колхозников и призвал местные власти оказать членам колхозов, не имеющим коров или мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка<sup>50</sup>. Ослабление нажима на ЛПХ и частичный возврат принудительного обобществленного скота привели к увеличению поголовья «необобществленного» скота. За 1932/33 учетный год число КРС в хозяйствах колхозников Западно-Сибирского края выросло на 42% (в т.ч. коров – на 11), овец – на 32%, свиней – почти в 3,4 раза. Основу для дальнейшего наращивания поголовья создавал рост численности молодняка. Так, количество бычков и телочек в ЛПХ до 1 года увеличилось в 2,3 раза, а от 1 года до 2 лет – в 1,5 раза. Несмотря на рост абсолютных величин, ряд относительных показателей развития личного сек-

тора колхозной экономики ухудшилось. Произошло снижение средней обеспеченности колхозных семей взрослыми овцами и КРС: соответственно с 75 и 79 до 65 и 70 голов на сто дворохозяйств. Причина заключалась в увеличении числа колхозных хозяйств с 726,5 тыс. на 1 июля 1932 г. до 805,0 тыс. на 1 июля 1933 г. Большая часть новых членов колхозов лишились своего скота во время голода. Уменьшились и средние размеры приусадебных посевов: с 15 до 11 га на сто хозяйств<sup>51</sup>.

В 1933 г. политика содействия развитию ЛПХ членов колхозов получила свое дальнейшее развитие. 14 августа 1933 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами», в котором перед властями ряда регионов ставилась задача организации помощи бескоровным колхозникам в приобретении телок<sup>52</sup>. 5 ноября действие данного постановления было распространено на Сибирь<sup>53</sup>. В рамках выполнения данного постановления была организована закупка телок на МТФ колхозов, а также у колхозников и единоличников с последующей их продажей членам колхозов, не имеющим коров. Телки приобретались и продавались по т.н. конвенционным ценам, которые были значительно ниже рыночных. Крестьянам, продающим их в порядке предварительной контрактации, предоставлялись скидки по обязательным поставкам мяса и молока, а нуждающимся членам колхозов, желающим завести коров, – беспроцентный кредит. Предусматривалась также рассрочка платежа за молодняк, передаваемый колхозами собственным членам в счет выработанных трудодней. Июньский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) указал органам партийного и государственного управления на необходимость «в кратчайший срок ликвидировать бескоровность колхозников»<sup>54</sup>. В Западно-Сибирском крае в 1933/34 г. владельцы ЛПХ в счет выполнения плана передачи им скота приобрели 73,4 тыс. телок<sup>55</sup>. Часть колхозников получала скот от колхозов бесплатно, в качестве премий за хорошую работу, в виде помощи инвалидам и т.п.

В 1933/34 учетном году поголовье КРС у членов колхозов Западно-Сибирского края выросло на 21%, овец и коз – на 23, свиней – на 78%, в Восточно-Сибирском крае – на 23, 19 и 50%<sup>56</sup>. Однако ситуация в личном секторе сельской экономики изменялась достаточно медленно. Так, число коров в Западно-Сибирском крае за год выросло всего на 2,4%, в Восточно-Сибирском – на 10,8%<sup>57</sup>. На начало июня 1934 г. 42,0% семей колхозников Западно-Сибирского края (в новых границах) не имели коров, 63,9 – овец и коз, 70,5 – свиней, а 25,4% вообще не располагали никаким скотом<sup>58</sup>. Для выращивания молодняка требовалось время. В конце 1934 г. в северо-восточных районах Западной Сибири начался голод (см. ниже), и часть скота была пущена под нож. В результате средняя обеспеченность им членов колхозов края к концу года даже

несколько снизилась. На 1 июня 1934 г. в Западно-Сибирском крае (в новых границах) на сто дворов приходилось в среднем 124 головы КРС, 144 овцы и козы, 46 свиней, а на 1 января 1935 г. – 116, 119 и 41 голов<sup>59</sup>.

В конце 1934 г. в Западно-Сибирском крае насчитывалось 20,5% бесскотных и 42,3% бескоровных дворов, 60,7% из них не имело овец или коз, 72,8% – свиней. В других регионах Сибири ситуация с обеспеченностью скотом была лучше, чем в Западно-Сибирском крае. В Омской области скота не имело 14,7% колхозных дворов, коров – 20,8, в Красноярском крае – 15,2 и 22,2, в Восточно-Сибирском крае – 10,7 и 10,5%.

В целом небольшими оставались размеры приусадебного посева. В Западно-Сибирском крае они составляли 0,10 га на двор, имеющий ЛПХ. 71,2% посевных площадей занимал картофель, 21,4% – овощи, 4,1% – зерновые<sup>60</sup>. Наибольшие размеры приусадебных участков (до одного гектара вместе с усадьбой) имели колхозники юго-западных степных районов Западной Сибири, а наименьшие – северо-восточных (в Асиновском, Топкинском и Беловском районах – 0,05 га) (см. Ч. I, док. № 32).

Размеры и специализация ЛПХ зависели от расположения колхоза. Как правило, приусадебные участки в отдаленных районах были меньше, чем в пригородной зоне. Так, в удаленном от городских центров Купинском районе размеры участков колебались в пределах от 0,14 до 0,25 га, в близком к Новосибирску районе – Мошковском – достигали 0,50 га, а в Барнаульском пригородном районе – до 1,5 га. В отдаленных районах в составе культур преобладал картофель, занимающий до 80–85% засеянного участка. В пригородной зоне колхозники больше внимания уделяли выращиванию реализуемых на рынке овощных культур. Соответственно отличалась и доходность личного хозяйства (см. Ч. I, док. № 18).

Высокими темпами наращивалось поголовье скота в ЛПХ рабочих и служащих. На территории Новосибирской области (в границах 1938 г.) численность КРС на их подворьях увеличилась в 4,5 раза, коров – в 3,1 раза, овец и коз – в 13 раз, свиней – в 41 раз<sup>61</sup>.

Из изменений в отдельных секторах сельской экономики складывалась общая динамика сельскохозяйственного производства. В 1933 г. посевные площади в Западно-Сибирском крае выросли на 13,7%, в 1934 г. – на 12,3, за два года в целом – на 27,6%. В Восточно-Сибирском крае резкое снижение посевов в индивидуальном секторе не было компенсировано приростом в «социалистическом». В результате площадь засеянной пашни уменьшилась на 7,2%. В 1934 г. общая посевная площадь в крае выросла на 11,3%. В итоге прирост за два года составил 3,3%. На территории краев и областей Западной Сибири (в границах

1938 г.) пашни в 1934 г. засеяли на 20,2%, Восточной Сибири – на 11,8% больше, чем в 1932 г. (см. Приложение 1, табл. 1.1, 1.4).

С 1932 по 1934 г. удельный вес пшеницы в общей посевной площади вырос с 46,8 до 50,5%, овса – с 18,7 до 21,6%, зерновых в целом – с 85,1 до 90,1%. Доля кормовых, технических и крупяных культур снизилась: с 4,5 до 2,4%, с 6,5 до 3,4% и с 6,9 до 4,9% соответственно. Преимущественно за счет приусадебных посадок повысился удельный вес картофеля и овощей: с 2,8 до 4,4% в целом (см. Приложение 1, табл. 1.2). На территории Алтайского края доля зерновых в общей площади колхозного посева в 1934 г. составляла 92,4%, пшеницы – 71,8%<sup>62</sup>.

Задача увеличения производства зерновых была поставлена в принятом в сентябре 1932 г. постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности»<sup>63</sup>. Одним из основных путей ее выполнения называлось сокращение посевов других культур. Проблема заключалась в том, что во всех хлебопроизводящих регионах страны во время коллективизации сократился удельный вес зерновых. В Сибири в 1932 г. их доля в общей площади пашни составляла 85%, в то время как в 1929 г. – 91% (см. Приложение 1, табл. 1.2). Единоличники стремились выращивать преимущественно потребительские культуры, а колхозы и совхозы стали увеличивать площади как под более выгодными техническими культурами, так и под обеспечивающими развитие животноводства кормовыми. В связи с этим ЦК ВКП(б) и СНК предлагали приостановить дальнейший рост посевов технических и пропашных культур и приступить к расширению посевных площадей под зерновыми, главным образом под пшеницей и овсом, в том числе и за счет вытеснения других «менее важных» зерновых.

В Западной Сибири в основном за счет наращивания численности молодняка поголовья КРС в 1932/33 учетном году увеличилось на 13%, овец и коз – на 8,2%. Резко выросло свиноголовье (почти в 2 раза). В Восточно-Сибирском крае прирост численности продуктивного скота начался в 1933/34 г. Поголовье КРС увеличилось на 10,9%, коров – на 5,7, овец и коз – на 16,3, свиней – на 32,8%. В Западной Сибири прирост КРС за 1933/34 г. составил 20,4%, коров – 8,5, овец и коз – 23,2, свиней – 61,3%. В целом по указанным краям КРС за два года стало больше на 24,2%, коров – на 8,9, овец и коз – на 23,4, свиней – на 109,1%. В то же время коневодство в Сибири оставалось в полосе кризисного развития. Поголовье лошадей с 1932 по 1934 г. сократилось на 14,3% (см. Приложение 2, табл. 2.1).

В Восточно-Сибирском крае в 1932 – 1934 гг. произошли существенные подвижки в хозяйственной структуре посевных площадей. Удельный вес совхозов увеличился с 10,4 до 15,7%, колхозов – с 64,0 до 74,0%, а доля индивидуальных хозяйств снизилась с 25,6 до 10,2%.

В Западно-Сибирском крае изменения были не столь существенными. При этом удельный вес совхозов и колхозов, напротив, несколько снизился (с 17,8 до 16,8% и с 72,9 до 72,0%), а индивидуальных хозяйств – увеличился с 9,3 до 11,2%. Показатели по региону в границах 1938 г. аналогичны. В Западной Сибири – небольшое снижение по колхозам и совхозам (с 16,9 и 74,1% до 16,5 и 72,3% соответственно) и увеличение по ЛПХ и единоличникам в целом (с 9,0 до 11,2%). В Восточной Сибири – рост по колхозам и совхозам (с 66,2 и 11,4 до 74,4 и 16,2%) и сокращение по индивидуальным хозяйствам (с 22,4 до 9,4%) (см. Приложение 1, табл. 1.3, 1.6).

Основным направлением изменений в похозяйственной структуре стада продуктивного скота в 1932–1934 гг. являлось увеличение удельного веса приусадебных хозяйств и снижение доли колхозов и совхозов. Особенно существенное перераспределение ролей произошло в свиноводстве. Если в июле 1932 г. в ЛПХ колхозников Западно-Сибирского края содержалось всего лишь 15% общего количества свиней, то в июле 1934 г. – более четверти. Более значимой стала роль ЛПХ и в разведении крупного и мелкого рогатого скота. В июле 1934 г. доля колхозных дворов края в общем поголовье КРС составляла 28,7%, овец и коз – 27,5%, что превышало показатели июля 1932 г. на 6,4 и 4,6 п.п. соответственно<sup>64</sup>.

Детальная похозяйственная структура поголовья скота в регионе в целом, сложившаяся к концу 1934 г., приведена в табл. 4.

Таблица 4  
Структура поголовья скота в Сибири на 1 января 1935 г.  
по категориям хозяйств (%)

Тип хозяйства	Лошади	Крупный рогатый скот	в т.ч. коровы	Овцы	Свиньи
1	2	3	4	5	6
Колхозы	68,2	37,6	29,8	45,8	25,2
Совхозы	3,4	11,6	11,8	13,4	5,1
Прочие государственные и кооперативные хозяйства	9,9	4,3	3,8	4,5	12,8
Итого по «социалистическому» сектору экономики	81,4	53,5	45,5	63,7	43,1
Хозяйства единоличников	13,3	8,6	9,9	6,3	12,1
ЛПХ колхозников	0,7	29,8	33,2	28,4	37,6

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6
ЛПХ рабочих и служащих в сельской местности	2,9	5,2	6,8	1,3	5,3
Индивидуальные владельцы в городской местности	1,7	2,8	4,6	0,4	1,9
Итого по индивидуальному сектору экономики	18,6	46,4	54,5	36,4	56,9

*Источник:* Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. М., 1935. Т. 1: Численность скота. С. 223–233, 384–395, 550–561.

*Примечания:* 1) Приведенные в таблице сведения включают обобщенную информацию по Омской области, Западно-Сибирскому, Красноярскому и Восточно-Сибирскому краям в границах 1935 г. 2) Здесь и в табл. 5 в число «прочих государственных и кооперативных хозяйств» включены сельхозпредприятия рабочего снабжения и потребительской кооперации, подсобные сельхозпредприятия предприятий, организаций и учреждений, опытные, учебные и научно-исследовательские учреждения сельскохозяйственного профиля, пункты предубойного содержания скота, хозорганизации с транспортным и выездным скотом; 3) В число индивидуальных владельцев скота в городской местности включены проживающие в городах единоличники.

Абсолютно преобладающая часть рабочего скота находилась в колхозах – более двух третьих. Вторую позицию по данному показателю делили между собой единоличники и государственные и кооперативные хозяйства, включая совхозы. В ЛПХ проживающих в сельской местности рабочих и служащих лошадей было в 4,4 раза больше, чем у колхозников. Это объясняется тем, что некоторым категориям рабочих и служащих (лесникам, путевым объездчикам и т.п.) в силу служебной необходимости было официально разрешено их содержание в личной собственности. Т.н. социалистический сектор занимал ведущие позиции в овцеводстве и превосходил индивидуальный в поголовье КРС. Относительно большая часть свиней и коров была сосредоточена на колхозных дворах. По поголовью овец и КРС ЛПХ колхозников уступали лишь колхозам. Основной специализацией сибирских совхозов являлось разведение овец и КРС. В прочих государственных и кооперативных сельхозпредприятиях содержалось достаточно много свиней.

Место различных категорий хозяйств в валовом производстве сельхозпродукции зависело не только от площади посева или количества скота, но и от урожайности и продуктивности, которые по большинству

позиций были выше в индивидуальном секторе. Удельный вес производителей в товарном производстве в значительной степени определялся механизмом отчуждения. Так, уровень налогово-податного изъятия продукции в единоличных хозяйствах был выше, чем в колхозах и ЛПХ колхозников. Абсолютно большая часть сельхозпродуктов, произведенных в ЛПХ, расходовалась на индивидуальное потребление. Наиболее высокие показатели товарности имели совхозы. В колхозах на внутрихозяйственное потребление шло больше продуктов, чем в совхозах. В 1934 г. в Омской области доля совхозов в государственных заготовках молока составляла 30,5%, колхозов – 43,1, ЛПХ колхозников – 16,6, единоличников – 9,8%, а в поголовье коров на 1 января 1935 г. – 15, 30, 34 и 9% соответственно<sup>65</sup>. Но при этом себестоимость производства в совхозах была существенно выше, чем в колхозах, что явилось одной из основных причин снижения темпов совхозного строительства во второй половине 1930-х гг.

В целом же, несмотря на рост количественных показателей сельскохозяйственного производства, принципиальных качественных сдвигов в колхозно-совхозном секторе аграрной экономики в 1933–1934 гг. не произошло. Особенно тяжелым оставалось положение в животноводстве. В докладной записке начальника политсектора МТС Западно-Сибирского крайземууправления в ЦК ВКП(б) от 31 декабря 1933 г. указывалось на *«все еще безобразно высокий отход молодняка в колхозно-товарных фермах»*. В среднем по краю падеж телят в 1933 г. составлял 27,8% (в 1932 г. – 35%), в Венгеровском районе – 36,5%, в колхозе «Красное знамя» Венгеровского района – 86% (см. Ч. I, док. № 14). В докладе бригады Госплана, обследовавшей в начале 1934 г. животноводство в колхозах Тальменского и Чановского районов, высокий процент падежа молодняка объяснялся неправильным содержанием и уходом, теснотой и необорудованностью скотных дворов, антисанитарными условиями, несоблюдением основных зоотехнических правил, нехваткой кормов<sup>66</sup>.

В совхозах, которые призваны были стать образцами социалистического хозяйства, показатели сохранения и воспроизводства стада были хуже, чем в колхозах. По данным Западно-Сибирского краевого управления народнохозяйственного учета, в 1934 г. в колхозах пало 24% приплода КРС, 14,6% – овец, 26,9% – свиней, в совхозах – 29,8, 21 и 40,9% соответственно<sup>67</sup>.

Ситуация в растениеводстве также была неустойчивой. Негативное влияние на развитие отрасли оказывал низкий уровень агротехники. Далеко не всегда выполнялись даже элементарные ее требования. В 1934 г., по сравнению с предыдущим, площадь зяби в Западно-Сибирском крае сократилась на 43%<sup>68</sup>. В степной зоне многие колхозы

фактически являлись монокультурными хозяйствами. Так, в ряде колхозов степного Алтая яровая пшеница занимала 90 и более процентов площади посева<sup>69</sup>. Естественно, что в таких условиях пшеница из года в год сеялась по пшенице.

К увеличению потерь и снижению сборов приводило массовое внедрение непроверенных на практике агротехнических «новаций», которые либо были неэффективны в сибирских условиях, либо изначально имели антинаучный характер. Одним из подобных приемов являлся сверхранний сев, в соответствии с которым посев части зерновых должен был вестись вскоре после схода снега, фактически в грязь. Отсюда первоначальное его название – «сверхранний сев в грязь». По мнению сторонников данного метода, он позволял максимально использовать весеннюю влагу, давал более ранние всходы, обеспечивал большую устойчивость растений к засухе и вредителям. Соответственно более ранними были созревание и уборка зерна. Принципиально важным являлось то, что сверхранний сев позволял увеличить время посевной и уборочной кампаний и снизить их трудонапряженность. Проводить подобным образом посев можно было только на хорошо прогреваемых и быстровысыхающих участках (южные склоны, ровные возвышенные плато), в легкие супесчаные почвы, семена следовало заделывать в течение короткого времени после начала просыхания. В силу непроходимости данных участков для техники, сев осуществлялся только вручную. Апробирование метода было проведено в 1932 г. С 1933 г. началось его массовое внедрение. В этом году в Западно-Сибирском крае сверхранний сев зерновых был проведен на 113,6 тыс. га, в 1934 г. – на 194,5 тыс. га. К ожидаемым позитивным результатам сверхранний сев не привел. Агротехника не соблюдалась. Сев велся в т.ч. в глинистые, тяжелые и долгопросыхающие почвы. Заделка семян затягивалась. Семена (особенно в Сибири) часто вымерзали, вымокали или выветривались. После их гибели осуществлялся пересев, что вело к перерасходу семенного материала<sup>70</sup>.

В середине 1930-х гг. в регионе активно насаждалась яровизация зерновых, которая представляла собой агротехнический прием контролируемого охлаждения семян злаковых культур перед весенним посевом, позволяющий сократить сроки вегетации растений и в отдельных случаях обеспечить их вызревание в более холодном климате. Массовое внедрение данного приема проводилось по инициативе и под руководством Т.Д. Лысенко. Недостатки данного метода заключались в повышенной трудоемкости полевых работ, неопределенности эффекта от массовой яровизации и возможности повреждения наклонувшихся семян при их несвоевременном посеве.

Одновременно с внедрением псевдонаучных методов шельмованию подвергались вступавшие в противоречия с политико-идеологическими установками режима предложения ученых и практиков, эффективность которых была подтверждена опытным путем<sup>71</sup>. Так, резкой критике на страницах краевой газеты «Советская Сибирь» была подвергнута «теория преимуществ мелкой пахоты». Ее разработчики основывались на предложениях академика Н.М. Тулайкова, выступавшего за замену в засушливых районах «глубокого рыхления почвы с ее крошением и переворачиванием» поверхностной обработкой. Данный прием расходился с принятой руководителями советского земледелия ставкой на глубокую тракторную вспашку с отвалом пласта и был определен как «вредительский»<sup>72</sup>.

«Вредительской» также была названа «теория средних сроков сева», которая, по мнению ее критиков, являлась закамуфлированной установкой на поздние сроки сева и противоречила *«требованиям крайкома и крайисполкома о форсировании начала полевых работ»*. Возражения агрономов и местных функционеров против уборки незрелых и влажных хлебов квалифицировались как «оппортунистические настроения», соответственно «зеленые» и «мокрые». Партийные организации и земельные органы также обязывались бороться с «кулацкой вредительской теорией неприменимости навоза на сибирских землях». Политическим установкам должны были подчиняться земельные работники и при выборе севооборотов.

Низкая отдача колхозного производства была связана не только с несоблюдением агротехники или следованием политически выверенным агротехническим новациям. Обслуживающая колхозы техника использовалась неэффективно. Во время уборочной кампании 1933 г. на один комбайн в Западно-Сибирском крае приходилось 46 га убранных зерновых при норме в 130 га. Трактора были использованы лишь на 43% (см. Ч. I, док. № 14). В условиях продолжающегося сокращения поголовья лошадей в колхозах ощущался постоянный дефицит тягловой силы, который в полной мере не могли компенсировать трактора МТС. В колхозах также остро не хватало конного сельскохозяйственного инвентаря. В 1933 г. к группе низкодоходных экономически слабых хозяйств относилось 30% колхозов Западно-Сибирского края (см. Ч. I, док. № 18).

Некомпетентное вмешательство властей в агротехнику умножало воздействие негативных природно-климатических факторов. В 1933 г. засуха в юго-западной зоне края привела к недороду. Зерна на трудодни в ряде расположенных на ее территории колхозов выдали меньше, чем в 1931 и 1932 гг.<sup>73</sup> В 1934 г. при относительно хорошем урожае в целом по региону катастрофический недород охватил центральные районы Западно-Сибирского края. Весенние заморозки, длительная засуха и нашествие саранчи практически уничтожили посевы. Бескормица вы-

звала массовый падеж скота. Сбор зерновых во многих колхозах не превышал 1–1,5 ц/га<sup>74</sup>. Однако зерно, которое там удалось убрать и высушить, было почти подчистую отобрано государством. Многие колхозы в результате вообще не имели хлеба для выдачи по трудодням. В недородных районах начался голод, который сопровождался вспышкой септической ангины. Колхозники в массовом порядке отказывались от выхода на работу, за что их также в массовом порядке из колхозов исключали. Усилилось бегство крестьян из деревни<sup>75</sup>.

---

<sup>1</sup> См. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 107–108, 119–121.

<sup>2</sup> Термин «первая заповедь» был введен в политический лексикон И.В. Сталиным в своей речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., указавшим деревенским функционерам: *«Не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь (подчеркнуто мной. – В.И.) – выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь – засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и развешивать колхозную торговлю хлебом»* (Правда. 1933. 17 янв.).

<sup>3</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 109–110.

<sup>4</sup> Колхозам до завершения поставок дозволялось использовать на внутрискотхозяйственные нужды, включая натуральное авансирование колхозников, 10% намолоченного зерна. *«Для хороших колхозов, добросовестно работающих и получивших хороший урожай»*, этот процент мог быть увеличен до 15% (Там же. С. 108). Лимит выдачи денежных авансов составлял 20 – 30% от сумм, получаемых колхозами за реализуемую продукцию (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. М., 1967. Т. 2. С. 436).

<sup>5</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 112–113.

<sup>6</sup> СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 521; 1933. № 17. Ст. 97а, 97б; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 473–474; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 913. Л. 170–171, 179 об.).

<sup>7</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 246.

<sup>8</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 111–112.

<sup>9</sup> СЗ СССР. 1933. № 49. Ст. 286.

<sup>10</sup> Советская Сибирь. 1932. 1 окт.

<sup>11</sup> Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 676–677, 659; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 315.

- <sup>12</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 25, 26.
- <sup>13</sup> Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. (1927–1937 гг.): Сб. документов. Томск, 1972. С. 230.
- <sup>14</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 162.
- <sup>15</sup> ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1063. Л. 162; Животноводство колхозных товарных ферм в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С. 10.
- <sup>16</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 347; Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): Стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 15–17, 19.
- <sup>17</sup> См.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 636.
- <sup>18</sup> Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000. С. 79, 80, 81, 82; Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 261, 262.
- <sup>19</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 445; Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 99.
- <sup>20</sup> Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 286–288.
- <sup>21</sup> ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
- <sup>22</sup> Посевные площади СССР. С. 6–8, 10, 15–17, 19, 42–44, 46.
- <sup>23</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 270–271.
- <sup>24</sup> ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
- <sup>25</sup> Советская Сибирь. 1934. 5 янв.
- <sup>26</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 256.
- <sup>27</sup> Посевные площади СССР. С. 6–8, 10.
- <sup>28</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 103, 106, 111, 115, 119–120, 129–130.
- <sup>29</sup> Ильиных В.А., Кавцевич О.К. «Расстрельное дело» 1934 из фондов ГАНО // Новосибирский архивный вестник. № 10. Новосибирск, 2002. С. 56, 57.
- <sup>30</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 205, 84.
- <sup>31</sup> ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1063. Л. 163, 163об.; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 238–240.
- <sup>32</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 535.
- <sup>33</sup> КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 164.
- <sup>34</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 527, 532.
- <sup>35</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 412; Сельское хозяйство СССР. С. 731, 789, 894, 969, 1031, 1082, 1128, 1279. Помимо совхозов государственный сектор в аграрном производстве был представлен подсобными сельхозпредприятиями отделов рабочего снабжения (ОРСов). Функционировали также сельхозпредприятия потребительской кооперации (коопхозы). В начале 1934 г. в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях было 26 и 56 ко-

---

опхозов, 145 и 81 подсобных хозяйств ОРСов (Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. 264).

<sup>36</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 799, 974.

<sup>37</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 412.

<sup>38</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 788, 799, 899, 900, 969, 974, 1128.

<sup>39</sup> Там же. С. 256.

<sup>40</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 346. По данным крайземуправления, в рамках новых границ Западно-Сибирского края на 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября насчитывалось 307,5 тыс., 305,4 тыс., 309,8 тыс. и 307,6 тыс. единоличных дворов, а их удельный вес от общего числа крестьянских хозяйств составлял 32,8, 32,8, 33,1 и 32,4% (Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. Новосибирск, 1935. Ч. 1: Полеводство. С. 6).

<sup>41</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 347.

<sup>42</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 21; Сельское хозяйство СССР. С. 256.

<sup>43</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 596. Л. 104, 105.

<sup>44</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 135; Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 21, 24.

<sup>45</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 39–40, 41.

<sup>46</sup> По мнению зам. заведующего Западно-Сибирским крайземуправлением М.А. Минеева, лошадь являлась *«главным и решающим»* фактором экономики единоличного хозяйства, *«причем лошадь единоличником используется в меньшей части непосредственно в своем сельском хозяйстве и в большей степени – на других работах, при этом последние составляют важнейшую, а нередко и главную часть доходов единоличников»* (Цит. по: Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 134).

<sup>47</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 70, 99.

<sup>48</sup> СЗ СССР. 1934. № 48. Ст. 370. Согласно ранее действующим нормам, у единоличных семей запрещалось конфисковывать инвентарь и имущество, необходимое для ведения сельскохозяйственного производства в минимальных размерах (Там же. 1932. № 69. Ст. 410б). То есть единственные плуг, лошадь, корову и т.п. отбирать у них было нельзя.

<sup>49</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 605; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. С. 6; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1935 г. Новосибирск, 1936. С.9.

<sup>50</sup> КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 5. С. 406.

<sup>51</sup> Ч. I, док. № 14; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1063. Л. 161; Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 54.

<sup>52</sup> Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 433–435.

- 
- <sup>53</sup> СЗ СССР. 1933. № 66. Ст. 395.
- <sup>54</sup> КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 160.
- <sup>55</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 596. Л. 103.
- <sup>56</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 541.
- <sup>57</sup> Там же.
- <sup>58</sup> Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 385.
- <sup>59</sup> См. Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 56.
- <sup>60</sup> Там же; Сельское хозяйство СССР. С. 545; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С. 9.
- <sup>61</sup> Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 227–229.
- <sup>62</sup> Посевные площади СССР. С. 6, 15, 72.
- <sup>63</sup> Социалистическое земледелие. 1932. № 9–10. С. 1–2.
- <sup>64</sup> ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23; Ф. П-3. Оп. 2. Д. 596. Л. 101; Сельское хозяйство СССР. С. 527, 533.
- <sup>65</sup> Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенный период (1935–1941). Новосибирск, 1975. С. 160.
- <sup>66</sup> ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 9. Д. 527. Л. 1–2.
- <sup>67</sup> Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 948. Л. 335.
- <sup>68</sup> Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 365.
- <sup>69</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690. Л. 7.
- <sup>70</sup> Советская Сибирь. 1932. 3 июня; 1933. 6 апр.; 1936. 15 янв., 20 февр.; Правда. 1936. 11 февр.; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. С. 49.
- <sup>71</sup> См.: Советская Сибирь. 1933. 29 апр., 4 мая, 18 мая, 29 авг., 3 сент., 13 сент.
- <sup>72</sup> Агротехническая практика, особенно в период массового освоения целинных и залежных земель в 1950-е гг., доказала правильность подходов академика Тулайкова. Глубокая пахота с отвалом пласта ведет к эрозии почвы и снижению ее плодородия. Поверхностная обработка почвы является составной частью современных технологий выращивания зерновых.
- <sup>73</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690. Л. 5.
- <sup>74</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 83.
- <sup>75</sup> Там же. С. 84; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 173.

## 5. 1935–1937 гг.

Массовая коллективизация привела аграрный сектор экономики в состояние глубокого кризиса. Перед властями вновь встала задача восстановления сельского хозяйства. Его подъему способствовали реформирование системы заготовок сельхозпродукции, наращивание материально-технической базы, мероприятия по рационализации организации труда в колхозах. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов

осуществлялось под контролем и при непосредственном участии политотделов МТС и совхозов. В 1933–1934 гг. социалистический сектор сельского хозяйства стал работать более устойчиво. С 1933 г. начался рост зернового производства, с 1934 г. – животноводства. К осени 1934 чрезвычайные органы управления в целом выполнили поставленные перед ними задачи. В то же время развернувшееся соперничество между райкомами партии и политотделами разрывало единство политического руководства селом. В связи с этим ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение об упразднении политотделов МТС<sup>1</sup>.

Проведенная политотделами массовая чистка колхозов от «классово враждебных элементов» вкупе с относительным улучшением положения единоличного крестьянства по сравнению с колхозным привели к замедлению и даже приостановке темпов коллективизации. Чтобы преодолеть данную ситуацию, правящий режим в конце 1934 – 1935 г. усилил политический и экономический прессинг на единоличников.

Наиболее действенным способом давления стало налогообложение, которое приобретало реквизиционный характер. Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае в 1934/35 г. увеличились в 3 раза<sup>2</sup>. В 1935 г. фискальное наступление на единоличников продолжилось. Единовременный налог в 1935 г. взиматься не стал, но он был с лихвой перекрыт кардинально реформированным применительно к единоличникам сельскохозяйственным налогом (существенное увеличение норм доходности от сельхозпроизводства, снижение облагаемого возраста рабочего скота, увеличение доли включения неземледельческих и конъюнктурных доходов в облагаемую базу, введение новой, более крутой шкалы определения ставок и т.п.). В 1935 г. на одно облагаемое в обычном порядке хозяйство западносибирских единоличников в среднем было начислено 166 р. 40 к. сельхозналога (в 1934 г. – 51 р. 39 к.). Вслед за сельхозналогом вновь поднялись размеры самообложения и культсбора. Сумма трех основных денежных налогов и сборов в расчете на один двор в 1935/36 г. в 1,5 раза превышала прошлогоднюю<sup>3</sup>.

В качестве стимула коллективизации в 1935 г. региональные власти вновь прибегли к депортации крестьян. В мае этого года по санкционированной Центром инициативе секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф.П. Грядинского в нарымские комендатуры было выслано 588 хозяйств единоличников (2,6 тыс. чел.), обвиненных в саботаже весеннего сева и разбазаривании тягловой силы<sup>4</sup>. Основанием для данной акции являлось постановление ЦИК СССР «Об укреплении колхозов» от 30 января 1933 г., которое обязывало местные органы власти *«принимать суровые меры»*, вплоть до высылки *«в отношении единоличников, ударившихся в спекуляцию и*

*упорно отказывающихся обрабатывать и засеивать занимаемые ими земли»<sup>5</sup>. Осенью в крае выслали еще 500 хозяйств, «организующих саботаж и оказывающих сопротивление хлебопоставкам»<sup>6</sup>.*

Резкое усиление налогового и политического пресса вызвало непрерывное сокращение числа и удельного веса единоличных хозяйств. С 1 июля 1934 г. по 1 июля 1935 г. число единоличных дворов в Сибири, согласно официальным данным, снизилось в 2 раза, а с 1 июля 1935 г. по 1 июля 1936 г. – еще в 2,2 раза. Уровень коллективизации в Западной Сибири вырос с 67,4 до 92,2%, в Восточной – с 64,2 до 88,2%<sup>7</sup>. Однако этот рост происходил не столько за счет приема в колхозы новых членов, сколько за счет существенного сокращения сельского населения. Бывшие единоличники в своем большинстве не вступали в колхозы, а уходили в города и рабочие поселки. Число колхозных дворов в целом по региону с июля 1934 г. по июль 1936 г. увеличилось всего на 178,2 тыс., или на 15%, а общее количество крестьянских дворов снизилось на 287,2 тыс. (на 16%)<sup>8</sup>.

Единоличники, не вступившие в колхозы и не бежавшие из деревни, стали разоряться. Средняя обеспеченность ста единоличных дворов Западно-Сибирского края за 1934/35 учетный год рабочими лошадьми сократилась с 60 до 39, КРС – с 55 до 40 голов, овцами и козами – с 48 до 35. Правда, в 1935 г. средние размеры посева в расчете на один единоличный двор, по сравнению с предыдущим годом, несколько увеличились (с 1,99 до 2,12 га)<sup>9</sup>. Но это было результатом проведения весенней посевной кампании этого года, в ходе которой к невыполняющим посевных планов применялись жесткие санкции вплоть до высылки в места спецпоселения (см выше).

В следующем, 1936 г., все встало на свои места. Снизилась не только обеспеченность западносибирских единоличников скотом (рабочих лошадей – до 20 голов, КРС – до 28 голов, овец и коз – до 21 на сто дворов), но и посевом (до 1,72 га на хозяйство). Резко возросло число единоличников, не располагающих рабочим и продуктивным скотом. По данным налогового учета, в Западно-Сибирском крае в 1934 г. рабочих лошадей не имело 40% хозяйств, КРС – 45, в 1935 г. – соответственно 61 и 60, в 1936 г. – 80 и 72%<sup>10</sup>. В площади произведенных единоличниками посевов увеличился удельный вес потребительских культур. В 1935 г. в Западно-Сибирском крае доля картофеля, овощей и бахчевых в посевах единоличных хозяйств составляла 10,8%, в 1936 г. – 19,1%<sup>11</sup>.

Со второй половины 1936 г. показатели коллективизации вновь начали топтаться на месте. В Западной Сибири ее уровень на 1 июля 1937 г. составлял 94%, увеличившись за год на 1,8 п.п., в Восточной Сибири – 91,1% (+2,9 п.п.)<sup>12</sup>. Оставшиеся единоличники в очередной раз смогли приспособиться к сложившимся политико-экономическим усло-

виям, а местные власти несколько снизили давление на них. Во второй половине 1937 г. количество единоличных дворов в регионе за счет исключенных из колхозов (см. ниже) даже выросло: в Западной Сибири – с 59,4 тыс. на 1 июля 1937 г. до 69,7 тыс. на 1 января 1938 г.<sup>13</sup> Увеличилось и общее поголовье скота, принадлежащего единоличникам. В Западно-Сибирском крае на 1 января 1937 г. у них было 7,6 тыс. лошадей, 22,8 тыс. голов КРС, 14,0 тыс. овец и коз, 6,8 тыс. свиней, а на 1 января 1938 г. – соответственно 11,0 (+45%), 3,9 (+70%), 27,5 (+97%) и 16,5 голов (+145%). В Омской области численность лошадей в единоличных хозяйствах выросла на 54%<sup>14</sup>. При этом увеличилась и обеспеченность единоличников сельскохозяйственными животными. В Западно-Сибирском крае в 1937 г. на сто дворов в среднем приходилось 29 рабочих лошадей, 44 головы КРС, 38 овец и коз. В то же время падение размеров посевной площади в единоличном секторе экономики ускорилось. По данным налогового учета, на одно единоличное хозяйство в 1937 г. приходилось 0,45 га. В площади посева продолжалось увеличение удельного веса потребительских культур. Основным источником доходов единоличников становятся неземледельческие заработки. В 1937 г. в Новосибирской области их размеры в 3,8 раза превышали доходы, полученные единоличниками от рыночной реализации сельхозпродуктов. В 1938 г. 38,8% зафиксированных несельскохозяйственных доходов было получено от использования рабочих лошадей вне своего хозяйства<sup>15</sup>.

Чтобы стимулировать единоличников к вступлению в колхозы, а также улучшить достаточно тяжелое материальное положение колхозного крестьянства, лидеры большевистского режима еще в 1932 г. сделали ставку на определенное расширение размеров личных приусадебных хозяйств колхозников (см. § 4). Однако положение выправлялось достаточно медленно. На 1 января 1935 г. 42,3% семей колхозников Западно-Сибирского края не имели коров, а 20,5% – вообще не располагали никаким скотом<sup>16</sup>. Это объяснялось не только объективными, но и субъективными причинами. Сопrotивление процессу укрепления ЛПХ оказывали многие местные функционеры, которые полагали, что развитие личного хозяйства препятствует развитию общественного, а поэтому предлагали не увеличивать, а, напротив, сокращать его разрешенные размеры<sup>17</sup>. Данная позиция вызвала критику со стороны самого генсека. Еще на совещании в ЦК ВКП(б) 2 июля 1934 г. И.В. Сталин заявил, что предложения о сокращении ЛПХ *«не к моменту»* (подчеркнуто мной. – В.И.). *«Если наступать, то надо наступать на единоличника. Надо, чтобы индивидуал видел, что лучше в колхозе»*<sup>18</sup>.

Вопрос о необходимости пересмотра нормативных размеров ЛПХ в сторону их увеличения был поставлен и принципиально решен на ноябрьском (1934 г.) пленуме ЦК ВКП(б). В соответствии с решениями

плenums в Политбюро был разработан проект нового Примерного устава сельхозартели. Проект для его официального утверждения был вынесен на Второй съезд колхозников-ударников. Однако и среди его делегатов нашлись те, кто настаивал на сокращении размеров личного хозяйства. Против этой позиции вновь выступил И.В. Сталин<sup>19</sup>.

17 февраля 1935 г. съезд принял новый Устав сельскохозяйственной артели<sup>20</sup>. В отличие от старого варианта в нем устанавливались нормативы наделения колхозников приусадебными землями, которые могли варьироваться в пределах от 0,25 до 0,5 га, «а в отдельных районах – до 1 гектара». Устав предусматривал четыре варианта норм содержания животных, которые зависели от местных условий (от одной коровы, двух голов молодняка КРС, одной–двух свиноматок с приплодом и 10 овец и коз в растениеводческих районах до 8–20 коров, 100–150 овец или коз, десятка лошадей, 5–8 верблюдов в районах кочевого животноводства). Предельные размеры ЛПХ для каждого сельского района устанавливались республиканскими, краевыми или областными органами власти и утверждались наркомземами союзных республик.

В конце февраля бюро Запсибкрайкома ВКП(б) утвердило список районов с «повышенными» нормами содержания скота. К ним, в частности, были отнесены 26 животноводческих районов Барабинской и Приалтайской зон, а также Нарымского округа, колхозникам которых разрешалось иметь до 2 коров с молодняком, 2–3 свиноматки с приплодом, 20–25 овец и коз<sup>21</sup>.

В начале мая того же года бюро крайкома ВКП(б) и президиум крайисполкома установили следующие допустимые нормы приусадебных участков колхозников: от 0,8 до 1,0 га – для районов, имеющих преимущественно животноводческую специализацию сельхозпроизводства (Барабинская и Приалтайская зоны, Ойротия, Нарымский округ); от 0,5 до 0,8 га – для районов с зерновой специализацией, за исключением пригородных колхозов; от 0,25 до 0,50 га – для колхозов, находящихся в 25-километровой зоне городов с развитой промышленностью<sup>22</sup>. Установленные краевыми властями предельные нормы, как правило, были выше фактических размеров земельных участков, находившихся в пользовании колхозников до принятия данного решения. Постановления крайкома и крайисполкома затем было утверждено Наркомземом СССР и Сельхозотделом ЦК ВКП(б) (см. Ч. I, док. № 32).

Для увеличения землепользования колхозников разрешалось использовать приусадебные участки единоличников, предварительно снизив их предельные размеры на 10% против норм, предусмотренных для членов колхозов данного района<sup>23</sup>. Продолжалась практика льготной продажи колхозникам скота. За 1935 г. и 11 месяцев 1936 г. в Омской

области и Западно-Сибирском крае им было продано 122 тыс. голов КРС, 451 тыс. поросят, 230 тыс. овец<sup>24</sup>.

Увеличение нормативных размеров ЛПХ, дополнительное наделение земель и помощь в приобретении крупного рогатого и мелкого скота, оказываемая колхозникам, такового не имеющих, дали положительный эффект. Перелом наступил уже в 1935 г., когда заметно увеличились размеры приусадебного посева, выросла обеспеченность колхозников скотом и сократилось число бескоровных и бесскотных дворов. Об этом свидетельствуют следующие данные по Западно-Сибирскому краю. В 1935 г. один колхозный двор, имеющий личное хозяйство, в среднем засевал 0,17 га (в 1934 г. – 0,10 га). На 1 января 1935 г. на сто колхозных дворов края в среднем приходилось 115,8 голов КРС, 59,5 коров, 118,7 овец и коз, 41,3 свиньи, на 1 января 1936 г. – 136,8, 67,1, 149,4 и 54,3 голов соответственно. На 1 июня 1935 г. скота не имели 19,9% семей колхозников, коров – 37,4, овец и коз – 61,4, свиней – 64,7%, на 1 января 1936 г. – соответственно 16,1, 35,9, 53,8 и 66,1%<sup>25</sup>.

Абсолютно преобладающей культурой, размещаемой на приусадебном участке, являлся картофель. В 1935 г. в Западно-Сибирском крае он занимал 74,6%. Далее следовали овощи – 14,2%. Остальные культуры были представлены минимально: подсолнечник – 2,7%, конопля – 2,4, лен – 1,5, бахчевые – 2,4, зерновые – 1,8%<sup>26</sup>.

Поступательное развитие ЛПХ продолжилось и в 1936–1937 гг. В начале 1938 г. в территориальных рамках Западно-Сибирского края, разделенного к тому времени на Алтайский край и Новосибирскую область, на 100 семей колхозников приходилось 160 голов КРС, 75 коров, 227 овец и коз, 71 свинья, а средний размер приусадебного посева в этом году, по нашим расчетам, составил 0,23 га на хозяйство. В Восточной Сибири на 1 января 1936 г. в среднем на 100 колхозных дворов приходилось 111 голов КРС, 165 овец и коз, 91 свинья, на 1 января 1938 г. – 250, 165 и 102 головы соответственно. В 1935–1937 гг. в Сибири в целом поголовье КРС в приусадебных хозяйствах членов колхозов выросло на 52,8%, коров – на 32,2, овец и коз – на 33,7, свиней – на 48,6%<sup>27</sup>.

Несмотря на рост поголовья, задача ликвидации бесскотности и бескоровности колхозных дворов решена не была. В 1936 г. в Западно-Сибирском крае план государственной помощи колхозникам по обзаведению телками был выполнен на 62,8%, овцами – на 40,1%. На 1 января 1938 г. в Новосибирской области насчитывалось 26,6% колхозных дворов без коров и 14,3% – без КРС, в Алтайском крае – соответственно 30,3 и 15,7%, в Омской области – 21,2 и 11,1%. Личного хозяйства не имели 4,5% семей колхозников Новосибирской области, скота – 10,1%<sup>28</sup>.

Личное хозяйство имело для колхозников далеко не подсобное значение. Оно давало большую часть потребляемых ими продуктов питания, за исключением хлеба. По данным бюджетных обследований колхозников Западной Сибири, в 1936 г. удельный вес продуктов, полученных ими из личных хозяйств, в общем объеме был следующим: молока – 94,9%, мяса – 92,6, овощей – 83,4, картофеля – 82,7, зерновых – 3,1%. Более того, за счет реализации продукции, выращенной на своем подворье, даже в благоприятные для колхозного производства годы формировалось около половины (в 1937 г. в Западно-Сибирском крае и Омской области – 45–55%) всех денежных доходов колхозных семей<sup>29</sup>. В неурожайные годы, когда трудодни практически не оплачивались, ЛПХ становилось основным источником поступления и денег, и продуктов питания.

Гораздо более масштабное, чем у колхозников, наращивание численности скота было достигнуто в ЛПХ проживающих в сельской местности рабочих и служащих. За 1935–1937 гг. в Сибири в целом поголовье КРС у них выросло в 2,4 раза, коров – в 2,3, овец и коз – в 4, свиней – в 1,7 раза<sup>30</sup>. Высокие темпы прироста, прежде всего, объясняются значительным увеличением численности данной категории жителей деревни. В начале 1935 г. доля рабочих и служащих в сельском населении Западно-Сибирского края составляла 14,9%, в 1939 г. в пределах той же территории – 35,5%<sup>31</sup>. Следует также отметить, что большая часть приусадебных хозяйств рабочих и служащих в середине 1930-х гг. была освобождена от уплаты сельхозналога. Не привлекались они и к обязательным поставкам сельхозпродуктов.

Развитие сельхозпроизводства в совхозном секторе экономики определялось организационными изменениями. Они происходили в системе управления совхозами. В начале 1930-х гг. оперативное руководство совхозами, подчиненными Наркомату зерновых и животноводческих совхозов СССР, осуществлялось системой специализированных трестов. В середине 1930-х гг. происходило неоднократное разукрупнение большей их части. В связи с тем, что тресты были признаны «*плохой передаточной инстанцией*», 1 декабря 1935 г. они были ликвидированы. Управление совхозами было передано в непосредственное ведение Наркомата. Однако обеспечить оперативное управление большим количеством хозяйств, разбросанных на огромной территории, Наркомату не удалось. Поэтому в начале 1937 г. были образованы республиканские наркоматы совхозов. Управление хозяйствами, оставшимися в подчинении союзного Наркомата, осуществлялось его специализированными управлениями. Для руководства совхозами Наркомата совхозов РСФСР были созданы краевые и областные управления. В конце года принимается решение о воссоздании в рамках Наркомсовхозов СССР крупных

специализированных трестов. В Западно-Сибирском крае были организованы Новосибирский союзмолтрест и Алтайский зернотрест. Отдельные совхозы остались в ведении главных управлений Наркомсовхозов СССР<sup>32</sup>.

В 1935–1937 гг. строительство новых совхозов в Сибири практически прекратилось. Продолжалось разукрупнение и развитие в них побочных отраслей, часть нерентабельных хозяйств была ликвидирована. В Западно-Сибирском крае на 1 января 1935 г. функционировало 214 совхозов, 189 из них находились в подчинении Наркомсовхозов СССР, 6 – Наркомзема РСФСР, 9 – Наркомпищепрома, 10 зверосовхозов подчинялись Наркомвнешторгу. К 1 июля 1936 г. число совхозов возросло до 218. К концу года, в соответствии с правительственной установкой об отрезке земли от совхозов и передаче их колхозам, 46 хозяйств ликвидировали. В 1937 г. земельный фонд совхозов, находящихся на территории Новосибирской области, сократился по сравнению с 1934 г. на 28%<sup>33</sup>.

В конце 1936 г. в Западно-Сибирском крае насчитывалось 172 совхоза, в т.ч. 22 зерновых, 97 молочно-мясных, 18 свиноводческих, 8 овцеводческих, 7 мараловодческих, 5 сортосеменных, 3 звероводческих, 9 свекловодческих, 1 льноводческий и 2 конных завода. В Омской области в 1937 г. ликвидировали 13 хозяйств, подчиненных совхозным наркоматам. В начале 1938 г. в области функционировал 81 совхоз: 8 зерновых, 54 молочно-мясных, 8 свиноводческих, 4 овцеводческих, 3 сортосеменных, 1 племенной, 1 звероводческий, 2 конных завода. В Красноярском крае в 1935–1937 гг. было ликвидировано 4 хозяйства, входившие в систему совхозных наркоматов. К началу 1938 г. в крае работало 56 крупных совхозов, в т.ч. 10 зерновых, 32 мясо-молочных, 8 овцеводческих и 8 свиноводческих<sup>34</sup>.

За счет наращивания технической вооруженности совхозов вырос уровень механизации основных сельхозработ в полеводстве. В 1937 г. в зерносовхозах Новосибирской области комбайны убрали 99,5% зерновых, косьба трав была механизирована на 58,5%, пахота – на 100%, посев зерновых – на 100%. В животноводческих совхозах эти показатели составляли соответственно 80,7, 65,0, 100 и 92,0%<sup>35</sup>. Следует отметить, что животноводческие совхозы располагали значительным количеством рабочих лошадей и конного сельхозинвентаря, которые также использовались на полевых работах.

Отрезка земли и сокращение числа совхозов оказали влияние на объемы производимой в них сельскохозяйственной продукции. Площадь посева в совхозах всех типов в Сибири в 1937 г. была на 18,3% меньше, чем в 1934 г. (см. Приложение 1, табл. 1.6). Численность КРС в совхозах Сибири за три года сократилась на 12,6%, а коров – на 26,5%. В то же время поголовье овец выросло на 18,3%, свиней – на 21,3%<sup>36</sup>.

Количественные изменения в колхозном секторе определялись темпами коллективизации и мероприятиями по оптимизации размеров хозяйств. С 1 января по 1 июля 1935 г. число колхозов в Западно-Сибирском крае увеличилось на 1367, или на 16%. Больше половины из них являлись новыми хозяйствами, образованными из единоличных хозяйств. Возникновение остальных было связано с разукрупнением уже существующих колхозов в основных сельскохозяйственных районах края (см. Ч. I, док. № 21). В Западной Сибири количество колхозов с 1 июля 1935 г. по 1 июля 1936 г. выросло с 12,0 тыс. до 14,6 тыс. В 1935/36 г. темпы прироста резко снизились, а в 1936/37 г. их число сократилось с 14,8 тыс. до 14,7 тыс. В Восточной Сибири создание новых хозяйств в 1934/35 г. перекрывалось процессом их укрупнения, в результате чего число колхозов уменьшилось с 6,6 тыс. до 6,5 тыс. В 1935/36 и 1936/37 г. создание новых хозяйств фактически прекратилось, а темпы укрупнения выросли. На 1 июля в регионе насчитывалось 6,1 тыс. колхозов<sup>37</sup>. Укрупнялись т.н. карликовые хозяйства, число которых как в Восточной, так и в Западной Сибири выросло в связи с увеличением числа колхозников, вышедших или исключенных из колхозов (см. ниже). В Западной Сибири в итоге средние размеры колхозов снизились с 71 двора на 1 июля 1934 г. до 63 дворов на 1 июля 1937 г., а в Восточной, напротив, выросли – с 52 до 63 дворов соответственно<sup>38</sup>.

В среднем на 1 колхоз в Западной Сибири в 1937 г. приходилось 1,7, в Восточной Сибири 1,8 полеводческих бригад. По одной бригаде насчитывалось почти в половине хозяйств региона (в Алтайском крае – в двух пятых). Полеводческие бригады в среднем состояли из 55 колхозников в Западной Сибири и из 63 – в Восточной<sup>39</sup>.

Продолжалось формирование животноводческих ферм и обслуживающих их бригад. В резолюции VII съезда Советов СССР по докладом наркомов земледелия и совхозов СССР о мероприятиях по укреплению и развитию животноводства ставилась задача добиться того, чтобы «уже в 1935 г.» не осталось ни одного колхоза без животноводческой фермы<sup>40</sup>. Поскольку данную задачу в хозяйствах с небольшим количеством скота было выполнить трудно, помимо специализированных стали создаваться смешанные фермы, кроме того, в массовом порядке организовывались конефермы. В 1935–1937 гг. на территории Новосибирской области количество МТФ выросло на 43%, СТФ – на 37, ОТФ – на 50%. За эти годы в области было создано 1799 смешанных животноводческих ферм, а число конеферм увеличилось с 84 до 2774. Тем не менее руководству области и к концу 1937 г. не удалось достичь поставленной VII съездом Советов цели. На 1 января 1938 г. без ферм в Новосибирской области осталось 13% колхозов. В целом в остальных областях и краях Сибири ситуация была несколько лучшей: в Алтайском и Красно-

ярском краях – 6%, в Иркутской, Читинской и Омской областях – 10, 8 и 4% соответственно. 100%-ного охвата колхозов фермами к этому времени удалось добиться лишь в Бурят-Монгольской АССР. В Западной Сибири на одну МТФ, СТФ и ОТФ в среднем приходилось 152, 60 и 239 голов профильного скота, в Восточной Сибири – 188, 71 и 542. Средний размер смешанных ферм в западной части региона составлял 69 голов, в восточной – 212 голов. В Западной и Восточной Сибири бригада по уходу за КРС в среднем состояла соответственно из 13,3 и 14,3 работников, свиноводческая – из 3,2 и 4,0, овцеводческая – из 2,9 и 5,6<sup>41</sup>. Таким образом, большинство свиноводческих и овцеводческих бригад в регионе фактически представляли собой небольшие звенья.

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП(б) (29 июня – 1 июля 1934 г.)<sup>42</sup> в Сибири началась кампания по массовому скрещиванию (метизации) местных пород скота с высокопродуктивными культурными породами. В регионе организуется сеть государственных племенных рассадников (Барабинский, Чарышский, Хакаский, Селенгинский, Исилькульский), племенных совхозов (Омский, Первомайский, Октябрьский, Ленинск-Кузнецкий, Бородинский) и племенных колхозных ферм. В колхозных МТФ Новосибирской области в 1935 г. племенными производителями было покрыто 37,3% коров, в 1937 г. – 90,5%. В 1937 г. в 47 районах области было метизировано 83,3% маточного состава овцепоголовья, а стадо колхозных свиноферм состояло более чем на 3/4 из чистопородной и улучшенной крупной белой английской породы свиней<sup>43</sup>.

Приоритетным направлением развития сельского хозяйства Западной Сибири для советского руководства оставалось наращивание производства пшеницы. В 1936 г. было принято два постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, посвященных данной проблеме: «О мероприятиях по организационному и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края» от 17 января (см. Ч. I, коммент. 95) и «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края» от 28 декабря (см. Ч. I, коммент. 96). Целью реализации комплекса мер, предусмотренных в декабрьском постановлении, являлось снижение негативных последствий частых засух, влияющих на уровень урожайности зерновых в Кулундинской степи, которая определялась как район, *«занимающий важнейшее место в производстве пшеницы»*. Поступательному развитию зернового хозяйства в Кулунде должно было способствовать не только улучшение агротехники (введение севооборотов с многолетними травами, переход на посев сортовыми и яровизированными семенами, расширение площади паров и зяби, посадка лесозащит-

ных полос, снегозадержание и обводнение), но и увеличение площади посева за счет целины и залежи.

Однако пшеница рассматривалась как основная культура не только для юго-западных, но и для северных районов края. В преамбуле к партийно-правительственному постановлению от 17 января указывалось, что освоение северных районов Западно-Сибирского края и подъем сельского хозяйства в них, прежде всего, необходимы *«для дальнейшего укрепления и развития пшеничной базы на востоке СССР»*. Наркомзему СССР, Западно-Сибирскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому в связи с этим надлежало форсировать работу по освоению северных районов и обеспечить там *«более быстрые темпы роста посевных площадей и в особенности пшеницы»*, для чего следовало провести расчистку и раскорчевку новых земель.

Важное место в реализации задач, поставленных в партийно-правительственном постановлении по северным районам, отводилось организационно-хозяйственному укреплению расположенных в них колхозов. В двухстах наиболее крупных колхозах была учреждена сроком на 1,5–2 года должность освобожденного парторга крайкома ВКП(б) с возложением на него задачи *«систематической борьбы за очищение колхозов от антисоветских элементов, сплочения вокруг парторганизаций колхозного актива в борьбе за высокую дисциплину труда»*. Отбор коммунистов для работы парторганами производился в городских и промышленных партийных организациях. *«В целях передачи колхозам северных районов передового опыта»* на север также надлежало «перебросить» 300 председателей и бригадиров из юго-западных районов края.

Введению в сельхозоборот новых пахотных земель в юго-западных и северных районах Западно-Сибирского края должно было способствовать более интенсивное расширение сети машинно-тракторных станций и их обеспечение необходимым сельхозинвентарем. Уже к весенней посевной кампании 1936 г. в северных районах Западно-Сибирского края было организовано 14 новых МТС. В Кулунде в 1937 г. в строй вступили 10 МТС<sup>44</sup>. Всего же за 1935–1937 гг. число машинно-тракторных станций в Западной Сибири возросло с 235 до 416, в Восточной Сибири – со 117 до 216. Количество тракторов в целом на указанных территориях увеличилось с 13,6 тыс. до 26,0 тыс. и с 5,0 тыс. до 10,8 тыс., зерноуборочных комбайнов – с 209 до 10742 и со 120 до 1984, грузовых автомобилей – с 1250 до 5001 и с 380 до 1748. Мощность тракторного парка в Западной Сибири выросла в 2,4 раза, в Восточной Сибири – в 2,5 раза. В 1937 г. МТС обслуживали в Западной Сибири 71% колхозов, в Восточной Сибири – 70,4%. Вырос уровень механизации основных процессов зернового производства. В колхозах западной

части региона пахота под яровые была механизирована на 68,4%, посев яровых – на 50,1, уборка зерновых – на 47,4, посев озимых – на 43,9, вспашка зяби – на 80,5%, восточной – соответственно на 60,5, 31,8, 16,8, 36,9 и 87,5%. Количество тракторов в среднем на одну МТС в Западной и Восточной Сибири в 1935 г. составляло 69 и 42 шт., в 1936 г. – 71 и 48, в 1937 г. – 62 и 50 шт.<sup>45</sup> Сокращение средних размеров машинно-тракторных станций в Западной Сибири в 1937 г. явилось следствием реализации постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 января 1936 г. (см. выше), в соответствии с которым в северных районах Западно-Сибирского края надлежало развернуть *«сеть новых машинно-тракторных станций»*. В связи со спецификой данных районов (низкая заселенность, разбросанность удобных для пахоты участков, отсутствие дорог и т.п.) вновь образуемые МТС в них должны были состоять из 15–20 тракторов.

Наряду с механизацией зернового производства проводились мероприятия по улучшению агротехники и внедрению севооборотов. Площадь паров в Западной Сибири с 1934 по 1937 г. возросла в 2,7 раза, площадь зяби – в 3,5 раза. В 1937 г. в колхозах Новосибирской области посев пшеницы по зяби составил 31,3%, по парам – 34,5%, в Алтайском крае – соответственно 37,1 и 23,5%<sup>46</sup>. Увеличивались масштабы снегозадержания и вывоза на поля навоза, посадки лесозащитных полос в степной полосе. В конце 1935 г. для руководства страны стала очевидной неэффективность сверххранного сева (см. § 4). Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 февраля 1936 г. «О государственном плане сева на 1936 г.» данный метод был запрещен. Официально было заявлено, что его применение было вынужденной мерой, связанной с нехваткой техники. Рост технического обеспечения сельхозпроизводства позволил от него отказаться. В новых условиях сверххранный сев следовало заменить севом в сжатые сроки<sup>47</sup>. В то же время продолжали увеличиваться масштабы яровизации (см. § 4). В Новосибирской области в 1935 г. яровизированными семенами было засеяно 8,0 тыс. га, в 1936 г. – 95,0 тыс., в 1937 г. – 198,5 тыс. га<sup>48</sup>.

Для увеличения доходности колхозов в 1935–1937 гг. власти пошли на снижение нормативных размеров хлебосдачи<sup>49</sup>. В 1935 г. были несколько уменьшены погектарные нормы зернопоставок для колхозов Западной Сибири, не обслуживаемых МТС. В декабре того же года был принят новый порядок определения урожайности колхозных полей (т.н. фактический метод), предусматривающий исключение из облагаемого валового сбора потерь, *«не используемых в хозяйстве»*. Это привело к некоторому сокращению стоимости машинной обработки пашни<sup>50</sup>. В 1936 г. последовало более существенное снижение норм обязательных хлебопоставок. В 1937 г. в сторону уменьшения были пересмотре-

ны расценки за работы МТС, а также еще раз снижены погектарные нормы хлебосдачи. Кроме того, в 1937 г. с колхозов списали недоимки и задолженности прошлых лет по зернопоставкам, ссудам и натуроплате, а также частично отсрочили возврат ими натуральных ссуд, полученных в 1937 г.

В рамках реализации политики организационно-хозяйственного укрепления колхозов значительная часть усилий региональных и местных властей в 1935–1937 гг. направлялась на обеспечение принятия в каждом из них нового варианта Устава сельхозартели, в котором были закреплены основные положения об управлении хозяйствами, бригадной форме организации труда, системе учета и распределения. В соответствии с новым Уставом колхозы получали Государственные акты на бессрочное пользование землей. Их вручению предшествовала работа по землеустройству, в рамках которой осуществлялось уточнение границ землепользования, устранение чересполосицы, дальнотелья, неправильной конфигурации земельных участков. Широкие размеры приобрела прирезка дополнительных сельхозугодий из земель совхозов и государственного фонда. Колхозы Омской области за счет указанных источников увеличили свои земельные массивы на 2,3 млн га, или на 21%<sup>51</sup>.

Несмотря на предпринимаемые усилия по развитию «общественного» хозяйства, наращивание его производственного потенциала в 1935–1938 гг. не соответствовало запланированным показателям и потребностям страны. Среднегодовые темпы прироста поголовья продуктивного скота в колхозах региона по сравнению с 1933–1934 гг. снизились. Численность КРС в них на 1 января 1938 г. превышала показатели начала 1935 г. на 38,9%, коров – на 27,7, овец и коз – на 62,9, свиней – на 41,0%. Данные результаты существенно уступали показателям роста поголовья в ЛПХ сельских жителей. Продолжалось сокращение числа рабочих лошадей: в конце 1937 г. в сибирских колхозах их было на 9% меньше, чем в начале 1935 г.<sup>52</sup> Площадь колхозных посевов в условиях существенного прироста земельных угодий и увеличения уровня коллективизации с 1934 г. по 1937 г. в целом по Сибири выросла на 27,5% (с 1932 по 1934 г. – на 19,4%). На Алтае, который являлся основной житницей региона, показатели прироста посевов в колхозах за 1934 – 1937 гг. уступали среднерегиональным, составляя 14,9% (в 1932–1934 гг. – 18,2%) (см. Приложение 1, табл. 1.7). Урожайность зерновых и продуктивность скота, хотя и выросли, но оставались достаточно низкими. Подобные выводы были, в частности, сделаны январским (1936 г.) пленумом Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), в резолюции которого содержались следующие положения: *«урожай зерновых и технических культур (свекла, лен) все еще остается недопустимо низ-*

*ким и неустойчивым»; «размеры удоя молока и настрига шерсти вследствие плохого ухода за скотом остаются неудовлетворительными»<sup>53</sup>.*

В целом было достаточно низким и качество машинно-тракторных работ. Квалифицированных кадров в МТС не хватало. Ремонтно-техническая база отставала от возрастающих потребностей. В Новосибирской области в конце 1937 г. в 128 МТС насчитывалось только 62 мастерских. Большинство машинно-тракторных станций в северных и северо-восточных районах не имело ремонтной базы и вынуждены были производить ремонт в мастерских, находящихся от них за многие десятки километров (Кривошеинская МТС – за 150 км, Рыбаловская – за 130, Ижморская – за 120, Мотковская МТС – за 80 км)<sup>54</sup>. Постоянным был дефицит запчастей. Ремонт техники затягивался и проводился неудовлетворительно. Частыми были поломки. Трактора не были в достаточной степени обеспечены прицепным инвентарем. Секретарь Тогучинского райкома ВКП(б) в начале 1938 г. информировал обком о том, что Тогучинская МТС обеспечена плугами всего лишь на 53% мощности тракторного парка, Коуракская МТС – на 64,5, Сурковская МТС – на 79%. *«Недостаёт также сеялок, культиваторов». «В Тогучинской МТС из-за отсутствия горючего в 1937 г. простояли трактора ЧТЗ 585 машино-дней, трактора СТЗ и ХТЗ простояли 320 машино-дней, комбайны – 322 машино-дня и автомашины – 126 машино-дней. За эти дни простоя трактора могли вспахать 16 920 гектаров, комбайны убрать 3220 гектаров, автомашины перевезти 756 тонн грузов»* (см. Ч. I, док. № 29).

Глубокая тракторная вспашка под зерновые культуры негативно сказывалась на плодородии почвы. Несовершенство комбайнов приводило к значительным потерям зерна при уборке. Не хватало не только сложного тракторного сельхозинвентаря в МТС, но и простого конного в колхозах. В начале 1935 г. в 139 колхозах Кыштовского района Западно-Сибирского края насчитывалось 78 конных сеялок, 220 молотилок (в т.ч. 1 сложная и 24 полусложных), 203 жатки самосброски, 2 сноповязалки, 2 силосорезки. Несмотря на значительный удельный вес в посевных площадях льна и конопли, в районе отсутствовал инвентарь по их уборке, которая полностью проводилась вручную<sup>55</sup>.

Во многих колхозах ощущался дефицит рабочих лошадей, а наличие поголовья находилось в неудовлетворительном состоянии. На это влияла недостаточная кормообеспеченность, резко возрастающая в недородные годы, плохой уход за лошадьми, необеспеченность помещениями в стойловый период. На состоянии конепоголовья не могло не отразиться массовое привлечение колхозных лошадей к выполнению государственной гужевой повинности. Секретарь Кыштовского района по этому поводу писал: *«Весь состав рабочих лошадей буквально не*

*вылезает из хомута круглый год – будучи занят на перевозках различных грузов, имеющих государственное значение: хлеб, мясо, масло, льнопродукция, заброска в район различных материалов и т.д. Создается чрезвычайно большая трудность в подготовке конской тягловой силы к весенним полевым работам. Не подготовив, как это требуется, лошадей, мы запаздываем в сроках выполнения с[ель]х[оз]работ»<sup>56</sup>.*

Уровень агротехники оставался неудовлетворительным. Несмотря на постоянный рост объемов внесенных удобрений, площади, на которых они применялись, оставались мизерными. В 1936 г. в колхозах Восточно-Сибирского края органические удобрения были внесены на 0,8%, а минеральные – на 0,1% площади посева яровой пшеницы, Западно-Сибирского края в 1937 г. – 0,8 и 0,6% соответственно. Большое количество семян оставалось некондиционным. Удельный вес посевов сортовыми семенами яровой пшеницы в Западной Сибири в 1936 г. составлял 59%, озимой ржи – 10, льна-долгунца – 42, подсолнечника – 21%. В 1937 г. площадь сортовых посевов снизилась. На территории Новосибирской области сортовыми семенами пшеницы засеяли 44% площадей, Алтайского края – 55%. Одна из причин этого заключалась в принуждении колхозов сдавать зерно с сортовых участков в счет выполнения годовых заданий по хлебопоставкам и хлебозакупу<sup>57</sup>.

Внедрение севооборотов в колхозах превратилось в ежегодные, достаточно затратные, но практически бесполезные кампании. В направленной в июне 1937 г. в адрес Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) докладной записке крайземуправления (см. Ч. I, док. № 25) нарисована весьма живописная картина «борьбы за севообороты»: *«в течение 1934 года в крае были мобилизованы и брошены на работы по перенесению севооборотов все землеустроительные силы. Работала целая армия. В 87,8 проц[ента] колхозов севообороты были перенесены в натуру <...> Весной 1935 года большинство этих севооборотов не только было сломано, но тракторами выворочены даже самые столбы и другие знаки, устанавливающие границу и разбивку клиньев на полях севооборотов. <...> Летом 1935 года колхозники и землеустроители вновь перенесли в натуру севообороты в 5790 колхозах <...> Весной 1936 года они вновь были сломаны. Летом этого года колхозники и землеустроители перенесли в натуру севообороты в 2207 колхозах. <...> Что ожидает их весной нынешнего года – еще пока неизвестно».* Одна из причин подобного положения заключалась в том, что колхозам давались посевные задания, превышающие предусмотренные по севообороту площади.

Проведенная в начале лета 1937 г. проверка показала, что только в 785 колхозах края (8,1%) имели севообороты. В 4816 хозяйствах (49,7%) они не отвечали предъявляемым на тот момент требованиям (были нарушены, неправильно нарезаны или являлись трехпольными), а

4089 колхозов края (42,1%) вообще не имели никаких севооборотов<sup>58</sup>. Однако большинство внедренных к этому времени севооборотов ожидала радикальная переделка. Июньский (1937 г.) пленум ЦК ВК(б) «одобрил в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения» внесенный комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект, в котором предлагалось до 1942 г. перейти от уже функционирующих парозерновых севооборотов к травопольным<sup>59</sup> (подробнее см. § 6). В связи с этим нарком земледелия СССР М.А. Чернов отменил ранее принятый план внедрения севооборотов на 1937 г.<sup>60</sup>

Алтайский крайземотдел сообщал в Наркомземе, что «нарушение севооборотов и вместе с тем нарушение элементов агротехнических требований по использованию земли, перегрузка посевными заданиями ряда колхозов привели к сокращению во многих колхозах парового клина и к посеву зерновых на одном месте несколько лет подряд. В результате сильная засоренность полей сорняками, падение урожайности»<sup>61</sup>.

Кампания по метизации скота имела не только позитивные, но и негативные последствия. Т.н. метисы были более требовательными к условиям содержания и кормления и более подвержены инфекционным заболеваниям, чем вытесняемые ими местные породы. Точка зрения части специалистов о перспективности племенной работы внутри местных пород скота была официально квалифицирована как «оппортунистическая теория улучшения сибирского скота в самом себе».

Проведенное в конце 1937 г. в Омской области выборочное обследование показало, что специализированными помещениями было обеспечено 58% поголовья КРС, 54% свиней, 34% овец<sup>62</sup>. Достаточно высоким оставался падеж, особенно молодняка. И.о. секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев в письме И.В. Сталину сообщал, что в области «только за 10 месяцев 1937 г. пало и пропало лошадей – 18 172, или 7,2%, крупного рогатого скота (вместе с молодняком) – 49 998 голов, или 8,5%, овец и ягнят – 64 512 голов, или 12,4%, свиней и поросят – 59 653 головы, или 44,3%». По мнению Алексеева, подобная ситуация стала следствием «вредительской деятельности» «врагов народа»<sup>63</sup>. «Враги народа, орудовавшие в крайкоме партии, крайисполкоме, земельных органах» также обвинялись «в проведении вредительского ремонта тракторов и с[ельско]х[озяйственных] машин, затыяжке сева, уборки, запутывании семенного дела»; внедрении «в северные и северо-восточные районы сорта хлебов с длинным вегетационным периодом». Они «запутывали племенное дело, распространяли в колхозах эпизоотические заболевания, планировали и осуществляли разрыв между поголовьем стада и кормовой базой, уничтожали ценный племенной скот»; «вредительски проводили землеустройство, срывали введение правильных севооборотов»; «подрывали овощекартофельную базу, чем

*срывали снабжение населения промышленных центров»; «всячески тормозили проведение мероприятий по повышению урожайности естественных угодий»; «намеренно создавали разрыв между машино-вооруженностью сельского хозяйства и ремонтной базой капитально-го и текущего ремонта, производили вредительское размещение мастеровских, не обеспечивая большинство мастеровских необходимым станковым и силовым оборудованием»<sup>64</sup>.*

Негативное влияние на динамику сельского хозяйства оказывали ежегодные локальные недороды: в 1935 г. – на Алтае и в Приангарье, в 1936 г. – в ряде южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края и Омской области, в 1937 г. – в Иркутской области и северо-западных районах Омской области. Неурожай вызывали обострение кормовой проблемы и приводили к нехватке семян. В 1934/35 учетном году дефицит кормов обернулся почти 10%-ным сокращением числа коров в колхозах Омской области. В хозяйствах Западно-Сибирского и Красноярского краев их поголовье выросло в этом году на 2,2 и 1,0% соответственно<sup>65</sup>.

Несмотря на то, что нормы сдачи зерна во второй половине 1930-х гг. стали меньше, уровень податного обложения колхозов практически не снизился. Объяснение подобного парадокса заключается в постоянном увеличении объемов сельхозработ, выполняемых МТС. Их оплата «съедала» всю прибавку, которую хозяйства могли получить от уменьшения норм и расценок. Общие размеры натуроплаты постоянно увеличивались. К концу 1930-х гг. она стала одним из основных каналов поступления хлеба государству. В 1937/38 г. колхозы Омской области в счет натуроплаты сдали 350 тыс. т зерна, а в счет обязательных поставок – 273,2 тыс. т, колхозы Алтайского края – соответственно 367,7 тыс. и 390 тыс. т<sup>66</sup>. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с принятым порядком исчисления натуральной оплаты процент ее изъятия в хозяйствах, получивших более высокий урожай, был больше, чем в менее урожайных.

Наглядными показателями сверхнормативности податного обложения сельского хозяйства являлись рост недоимочности колхозов и невыполнение ими заготовительных планов. Так, несмотря на полученный в 1937 г. на территории Новосибирской области высокий урожай зерновых (13,0 ц/га), недоимки колхозов по обязательным поставкам и натуроплате по итогам года составили 3,5 млн пудов. В следующем, 1938 г., при ненамного меньшем урожае (12,6 ц/га) их задолженность государству выросла до 8,4 млн пудов. В рекордно урожайном для Омской области 1938 г. (15,2 ц/га) годовой план хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору был выполнен на 92,2%. При этом основной недобор приходился на натуроплату (86,0% плана), тогда как по обяза-

тельными поставкам колхозы сдали 103,8% задания. В Алтайском крае в том же году выполнение годового плана хлебосдачи по колхозно-крестьянскому сектору составило 81,9% (в т.ч. по обязательным поставкам колхозами – 95,1, по натуроплате – 76,0)<sup>67</sup>.

В этих условиях оплата труда колхозников в целом оставалась крайне низкой. В неурожайные годы выдачи зерна на трудодни были минимальными, а в ряде колхозов его вообще не выдавали. В октябре 1935 г. крайземуправление указало на наличие в крае «немалого» количества колхозов, *«где колхозники в течение двух лет почти не получают ничего на трудодень»* (Ч. I. Док. № 21). В докладной записке Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и крайисполкома, направленной в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, сообщалось, что в 1936 г. *«вследствие исключительно низкого сбора зерновых»* в районах Кулундинской степи *«распределение на трудодни зерна в большом количестве колхозов ограничилось выдачей аванса во время молотбы»*<sup>68</sup>. В самом урожайном из 1930-х гг. – 1937 г. – в Новосибирской области без выдачи зерна остались 72 колхоза (1,4% от их общего числа), в 378 колхозах (7,4%) выдача зерна на 1 трудодень не превышала 1 кг, т.е. была фактически сведена к выдаче аванса (Ч. I. Док. № 27).

Поскольку засуха негативно сказывалась и на состоянии приусадебного хозяйства, в деревне начинался голод, локализованный в недородных районах. Так, в письме омских руководителей в ЦК ВКП(б) и СНК от 11 мая 1937 г. с просьбой о выделении продовольственной ссуды для неурожайных районов сообщалось *«о полном отсутствии хлеба во многих колхозах». «Имеются факты, когда на почве отсутствия хлеба развиваются заболевания, установлены многие случаи употребления в пищу трупов павших животных (районы: Вагайский, Дубровинский, Исетский, Упоровский, Омутинский и др.)»*<sup>69</sup>.

Голод или угроза голода приводили к увеличению числа выходов крестьян из колхозов. В первом квартале 1935 г. в Западно-Сибирском крае в колхозы вступило 34,6 тыс., а вышло 23,7 тыс. крестьянских дворов, во втором квартале соответственно – 46,8 и 23,9 тыс. В течение января – сентября в 19 районах края количество хозяйств, вышедших из колхозов, превышало количество вновь вступивших. Большинство этих районов пострадало от засухи 1934 г., а также имело плохие виды на урожай 1935 г. Высокий уровень выходов был зафиксирован также в пригородных районах. В Новосибирском районе в 1935 г. в колхозы вступило 1289 чел., а вышло «по собственному желанию» – 532 чел. (см. Ч. I, док. № 21).

В урожайные годы оплата труда колхозников увеличивалась. Но при этом вырастало и их обложение добровольно-принудительными платежами и сборами. Часть денежных выплат шла на приобретение госзай-

мов, а натуральных – на хлебозакуп. В Омской области в постурожайном 1937/38 заготовительном году поступление хлеба от колхозно-крестьянского сектора сельской экономики за счет его закупок потребкооперацией увеличилось почти на четверть, а в неурожайном 1935/36 г. – только на 6%<sup>70</sup>.

Отказ от принятия разверстанного на село или колхоз плана хлебозакупа расценивался как действие врагов советской власти и колхозного строя. Так, например, осенью 1935 г. члены колхоза «Имени 7-го Съезда Советов» (с. Мошково одноименного района Западно-Сибирского края) трижды отклоняли предлагаемый им районными властями план продажи зерна в счет хлебозакупа. После этого четырех колхозников, наиболее активно выступавших против закупа, арестовали и на выездной сессии краевого суда приговорили по ст. 58-10 УК РСФСР к различным срокам заключения. Состоявшееся после вынесения приговора колхозное собрание приняло покаянное постановление и решило продать потребкооперации зерна больше, чем это предполагалось первоначально<sup>71</sup>.

Низкий уровень оплаты труда не создавал стимулов к повышению его производительности. Многие колхозники предпочитали работать в личном хозяйстве. На «общественных» полях и фермах большинство из них трудилось «спустя рукава». Рабочий день во многих колхозах даже в период уборочной начинался в 10–11 часов утра и заканчивался в 17–19 часов вечера, сопровождался большим количеством перекуров и простоев. Показателем отчуждения крестьян от «общественной» собственности стал слоган: «Не свое – колхозное», ставший своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов.

В целях борьбы с «антиобщественным» поведением колхозников местные власти широко использовали исключение из колхозов, а также штрафы в форме «списывания» трудодней. Январский (1936 г.) пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) отметил факты *«огурного штрафования колхозников и многочисленные случаи неправильных исключений из колхозов за незначительные проступки»*<sup>72</sup>. В 1937 г. исключения из колхозов приобрело массовые размеры. За год в Новосибирской области было исключено из колхозов 10 658 хозяйств. Численность колхозных дворов в области с учетом вновь вступивших и выбывших самостоятельно сократилась с 318,8 тыс. до 307,8 тыс. Уровень коллективизации в Новосибирской области с 1 июля 1937 г. по 1 января 1938 г. снизился с 91,5 до 90,1%, в Омской области – с 96,2 до 94,8%, в Алтайском крае – с 94,2 до 93,8%. В целом в Западной Сибири число колхозных дворов с 1 июля 1936 г. по 1 июля 1937 г. уменьшилось с 972,6 тыс. до 933,6 тыс., в Восточной Сибири – с 395,0 тыс. до 383,8 тыс.<sup>73</sup>

Жесткие меры принимались и в отношении руководящих колхозных кадров. В резолюции вышеупомянутого пленума Западно-Сибирского

крайкома указывалось на «грубые» нарушения порядка их смены. *«Председатели колхозов снимаются с работы, перебрасываются из колхоза в колхоз без достаточных оснований, все еще имеются многочисленные факты предания их суду по самым незначительным поводам»*<sup>74</sup>. В регионе проводились не только самоуправные, но и санкционированные «чистки». В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 января 1936 г. «О мероприятиях по организационному и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края» *«для ликвидации отставания колхозного строительства в северных районах и усиления борьбы с кулацкими вредительскими элементами, проникшими в ряде колхозов на руководящие должности»*, предлагалось *«провести проверку руководящего и должностного состава всех колхозов северных районов (председателей колхозов, членов правления, бригадиров, счетоводов и т.д.)»* (см. Ч. I, коммент. 95).

Маховик сталинской репрессивной машины, относительно замедлившийся в 1936 г., в 1937 г. набрал бешеные обороты. Репрессии против «врагов народа», в число которых попало большое количество специалистов сельского хозяйства, негативно сказались на состоянии отрасли в целом. Так, в октябре 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приказало провести широкую операцию *«борьбы с вредителями в области животноводства»*. Через три недели после получения директивы Р.И. Эйхе докладывал Сталину о первых результатах ее исполнения. Он сообщил, что в шести районах Новосибирской области – Чановском, Куйбышевском, Венгеровском, Ояшинском, Искитимском и Купинском – арестован ряд «вредителей-диверсантов» из работников райземотделов, зоотехников, ветврачей, которые будут осуждены показательным судом за умышленное заражение скота и его уничтожение в больших количествах. Эйхе добавлял: *«Приняты меры к выявлению и полному разгрому диверсантов и вредителей также в других районах области»*. В октябре 1937 г. в Иркутске был проведен процесс по делу *«эсеровской организации при областном земельном управлении»*. В Новосибирской области только в четвертом квартале 1937 г. состоялся 21 показательный процесс над *«вредителями и саботажниками в сельском и элеваторном хозяйстве»*<sup>75</sup>. Резко обострился дефицит кадров. Работники, занимающие должности репрессированных руководителей и специалистов, имели еще более низкую квалификацию.

Из изменений в отдельных секторах сельской экономики складывалась общая динамика сельскохозяйственного производства. В 1937 г. посевные площади в Западной Сибири увеличились по сравнению с 1934 г. на 8,1% (в 1932–1934 гг. – на 20,2%). При этом в 1935 г. площадь посева сократилась на 0,4%, а в 1936 и 1937 гг. росла: на 3,5 и 4,9% со-

ответственно. В Восточной Сибири прирост в 1935 г. составлял 3,1%, в 1936 г. – 1,1, в 1937 г. – 6,0%, за указанные годы в целом – 10,4% (за 1932–1934 гг. – 11,8%) (см. Приложение 1, табл. 1.4). Отрицательный прирост в Западной Сибири в 1935 г. и незначительное увеличение в Восточной Сибири в 1936 г. стали следствием недородов предыдущих лет. На относительно низкие темпы увеличения площади обрабатываемой пашни в 1934–1937 гг. повлияло сокращение посева совхозами и единоличными хозяйствами, которое не было в достаточной степени компенсировано колхозами.

Достаточно высокие темпы наращивания производства овса и кормовых культур, посевы которых в Западной Сибири в указанный период увеличились на 19 и 98% соответственно, свидетельствовали об определенных сдвигах в сторону улучшения кормовой базы колхозно-совхозного животноводства. Площадь, занятая одной из основных продовольственных культур единоличников – просом, уменьшилась на 54%. Посадки картофеля в регионе в 1935 г. выросли по сравнению с предыдущим на 18%, а в течение двух последующих лет снизились на 6%. При этом в колхозно-совхозном секторе сельской экономики в 1937 г. картофеля посадили на 31% меньше, а в индивидуальном (за счет ЛПХ колхозников, рабочих и служащих) – на 15% больше, чем в 1935 г. Стремление колхозов к минимизации масштабов выращивания картофеля было связано с его трудоемкостью и отсутствием необходимой базы для хранения. По аналогичным причинам уменьшились посевы овощей: с 66,4 тыс. га в 1934 г. до 48,7 тыс. га в 1937 г.<sup>76</sup> Снижение производства картофеля и овощей негативно сказалось на снабжении городского населения региона (см. Ч. I, док. № 30).

Динамика поголовья сельскохозяйственных животных в Сибири в 1935–1937 гг. по всем категориям владельцев отражена в таблицах 2.3 и 2.4 Приложения 2. Их анализ позволяет сделать вывод о снижении темпов прироста поголовья в 1934/35–1935/36 учетных годах. Наиболее неблагоприятным для животноводства оказался 1936 г. Недород вызвал сверхнормативный отход стада во всех категориях хозяйств. Особенно пострадало свиноводство, кормовая база которого была напрямую связана с урожаем зерновых и картофеля. В целом по Сибири численность свиней за 1936 г. снизилась на 21,1%, в Восточной Сибири – 18,4%, в Западной Сибири – на 25,8, в Омской области – на 41,2%. В Новосибирской области количество свиней во всех категориях хозяйств сократилось на 10,4%, в ЛПХ колхозников – на 12,8, в приусадебных хозяйствах рабочих и служащих – на 8%<sup>77</sup>. Поголовье остальных категорий продуктивного скота в Сибири незначительно выросло.

Относительно высокие темпы прироста поголовья в 1937 г. имели преимущественно компенсаторный характер. В итоге численность КРС

в Сибири за 1935–1937 гг. увеличилась на 31,3%, коров – на 20,6, овец – на 60,9, свиней – на 21,1%. Более значительный прирост стада овец связан с тем, что уход за ними был менее сложным, а на корм овцам шли более засухоустойчивые травы.

Разница в динамике численности скота по различным категориям владельцев сказалась на похозяйственной структуре стада (см. табл. 5, 6). Колхозы заметно увеличили свою долю в поголовье лошадей (с 68,2% на 1 января 1935 г. до 77,8% на 1 января 1938 г.). Нарастание их удельного веса в продуктивном животноводстве оказалось не столь существенным: +4,0 п.п. – по свиньям, +2,8 п.п. – по овцам, +2,5 п.п. – по КРС и +1,9 п.п. – по коровам. Совхозы снизили свою долю участия в разведении крупного и мелкого рогатого скота, но сохранили ее в свиноводстве. Прочие государственные и кооперативные хозяйства утратили позиции по всем видам сельскохозяйственных животных. В течение 1935 г. удельный вес единоличных дворов Западно-Сибирского края в общем поголовье лошадей уменьшился с 17,2 до 4,5%, КРС – с 13,6 до 3,2% (в т.ч. коров – с 15,9 до 3,4%), овец и коз – с 9,3 до 2,2%, свиней – с 15,9 до 3,7%<sup>78</sup>. В конце 1937 г. единоличники Сибири владели 1,2% лошадей, 1,3% КРС, 1,3% коров, 0,6% овец, 1,4% свиней. Сокращение скота в единоличных хозяйствах было компенсировано увеличением его численности в личных приусадебных хозяйствах сельских жителей. В целом по региону доля сельских ЛПХ в общем количестве КРС выросла на 9,4 п.п., коров – на 11,5, овец и коз – на 8,8, свиней – на 10,6 п.п., а вместе с индивидуальными владельцами скота в городских поселениях – на 10,9, 13,7, 9,1 13,5 п.п. соответственно. В итоге индивидуальный сектор аграрной экономики упрочил свои позиции в продуктивном животноводстве.

Таблица 5

Структура поголовья скота в Сибири на 1 января 1938 г.  
по категориям хозяйств (%)

Тип хозяйства	Лошади	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
1	2	3	4	5	6
Колхозы	77,8	40,1	31,7	48,6	29,2
Совхозы	4,4	7,7	7,2	9,6	5,1
Прочие государственные и кооперативные хозяйства	10,8	2,4	1,5	1,8	6,1
Итого по «социалистическому» сектору экономики	93,0	50,2	40,4	60,0	40,4

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6
Хозяйства единоличников сельской местности	1,2	1,3	1,3	0,6	1,4
ЛПХ колхозников	1,5	34,6	38,2	35,2	45,9
ЛПХ рабочих и служащих сельской местности	2,4	9,8	13,3	3,3	7,6
Индивидуальные владельцы в городской местности	1,9	4,2	6,8	0,7	4,7
Итого по индивидуальному сектору экономики	7,0	49,9	59,6	39,9	59,6

*Источник:* Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: Стат. сборник. М.; Л., 1940. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

*Примечания:* 1) Приведенные в таблице сведения включают обобщенную информацию по Бурят-Монгольской АССР, Алтайскому и Красноярскому краям, Омской, Новосибирской, Иркутской и Читинской областям в границах 1938 г. 2) В число «индивидуальных владельцев скота в городской местности» в источнике включены проживающие в городах единоличники.

В полеводстве, несмотря на снижение посевов в совхозах, «социалистический сектор» в лице колхозов, напротив, существенно потеснил индивидуальный (см. Приложение 1, табл. 1.6). Удельный вес колхозов в общей площади посевов увеличился с 72,3% в 1934 г. до 85,0% в 1937 г., а совхозов уменьшился с 16,5 до 11,9%. В 1935 г. доля индивидуальных посевов в Западно-Сибирском крае составляла 4,5%, ЛПХ колхозников – 1,7, в 1936 г. – 0,7 и 2,1%; в Новосибирской области в 1937 г. – 0,5 и 2,4% соответственно<sup>79</sup>. Более детальная похозяйственная структура посева в Западно-Сибирском крае в 1936 г. приведена в табл. 6.

Таблица 6  
Структура посевных площадей Западно-Сибирского края в 1936 г.  
по категориям хозяйств (%)

Тип хозяйства	Весь посев	Зерновые	Технические	Картофель	Овощи
1	2	3	4	5	6
Колхозы	81,1	84,6	91,9	26,5	20,9
Совхозы	9,8	9,6	1,7	1,7	1,5
Прочие государственные и кооперативные хозяй-	5,6	5,0	1,2	12,5	19,5

CTBa					
------	--	--	--	--	--

Продолжение табл. 6

1	2	3	4	5	6
Итого по «социалистическому» сектору экономики	96,5	99,2	94,8	40,7	41,9
Хозяйства единоличников	0,7	0,6	1,0	3,1	3,5
ЛПХ колхозников	2,1	-	4,0	40,8	43,2
ЛПХ рабочих и служащих сельской местности	0,4	0,1	0,2	7,6	6,9
ЛПХ рабочих и служащих городской местности	0,3	-	-	7,9	4,5
Итого по индивидуальному сектору экономики	3,5	0,8	5,2	59,4	58,1

*Источник:* Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. XIII–XV, XVII, XXIV–XXV.

*Примечания:* 1) Приведенные в таблице сведения включают обобщенную информацию по Западно-Сибирскому, Красноярскому и Восточно-Сибирскому краям, Омской, и Иркутской областям в границах 1936 г. 2) В число «прочих государственных и кооперативных хозяйств» включены сельхозпредприятия рабочего снабжения и потребительской кооперации, подсобные сельхозпредприятия предприятий, организаций и учреждений, опытные, учебные и научно-исследовательские учреждения сельскохозяйственного профиля, посевы сельских организаций и учреждений (школ, больниц, сельсоветов, райисполкомов и пр.).

Удельный вес личных приусадебных хозяйств в общей площади посева хотя и вырос, но оставался незначительным. Несмотря на это, они превосходили показатели сельхозпредприятий «социалистического сектора» по производству картофеля и овощей. В 1936 г. в Западно-Сибирском крае доля колхозов и совхозов в посадках этих культур составляла 40,7 и 41,9%, а ЛПХ – 56,3 и 54,6% соответственно.

Таким образом, одним из основных направлений динамики похозяйственной структуры аграрного производства в 1935–1937 гг. стала минимизация производственного потенциала единоличных хозяйств. Колхозы укрепили свое доминирующее положение в полеводстве и коневодстве. Роль совхозов в сельхозпроизводстве еще более снизилась. В выращивании картофеля и овощей, а также в продуктивном животноводстве продолжалось наращивание производственных мощностей ЛПХ сельских и городских жителей, которые по данным направлениям заметно потеснили хозяйства «социалистического сектора».

---

<sup>1</sup> Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000. С. 206–207. Политотделы совхозов сохранялись. Однако во второй половине 1930-х гг. они утратили характер чрезвычайных органов и фактически превратились в несколько усиленные парткомы (Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 637). В марте 1940 г. решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) их упразднили (СП СССР. 1940. № 6. Ст. 169).

<sup>2</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 70.

<sup>3</sup> Там же. С. 70, 119–120.

<sup>4</sup> Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 111.

<sup>5</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2002. Т. 4: 1934–1936 гг. С. 937.

<sup>6</sup> Красильников С.А. Серп и молот. С. 111.

<sup>7</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 2–3.

<sup>8</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 361.

<sup>9</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 24.

<sup>10</sup> Там же. С. 24, 32.

<sup>11</sup> Народное хозяйство Запсибкрая. Новосибирск, 1936. С. 134–135; Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. XIII–XVII.

<sup>12</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 3.

<sup>13</sup> Основные показатели по сельскому хозяйству Новосибирской области. Новосибирск, б.г. С. 28–29; Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенный период (1935–1941). Новосибирск, 1975. С. 48.

<sup>14</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 64. Л. 10; ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 362. Л. 40; Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 44.

<sup>15</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 25, 40.

<sup>16</sup> Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С. 9.

<sup>17</sup> Так, в докладной записке Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 ноября 1934 г. предлагалось ограничить размеры приусадебных участков колхозников 0,40–0,50 га, а в пригородных районах – 0,25–0,30 га. *«Иначе приусадебные посевы будут выходить за рамки потребительского значения и создавать дополнительные трудности в организационно-хозяйственном укреплении колхозов»* (Ч. I. Док. № 18).

<sup>18</sup> Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличники (1933 – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 41.

<sup>19</sup> Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). М., 1978. С. 24–25, 29–32.

<sup>20</sup> СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

<sup>21</sup> «Повышенные» нормы содержания скота определялись также для районов кочевого и полукочевого животноводства. В двух аймаках Ойротии дозволялось иметь 8–10 коров с молодняком, до 10 лошадей, 5–6 верблюдов, 100–150 овец и коз; в Горной Шории и 8 аймаках Ойротии – 4–5 коров с молодняком, 30–40 овец и коз, 2–3 свиноматки с приплодом, а также по одной лошади или 2 верблюда (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 673. Л. 257–258).

<sup>22</sup> Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1935. № 82. Ст. 8190.

<sup>23</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 150.

<sup>24</sup> Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). Томск, 1972. С. 320.

<sup>25</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 57.

<sup>26</sup> Народное хозяйство Запсибкрая. С. 134–135.

<sup>27</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157, 213.

<sup>28</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 574; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 649. Л. 190.

<sup>29</sup> Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 171; Вылцан М.А. Бюджеты семей колхозников в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллинн, 1971. С. 601.

<sup>30</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

<sup>31</sup> Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах: Краткий стат. справочник. Новосибирск, 1935. С. 91; Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 74–75.

<sup>32</sup> Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 68.

<sup>33</sup> Там же; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 404.

<sup>34</sup> Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 404–405.

<sup>35</sup> Ч. I, док. № 31; Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 74.

<sup>36</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

<sup>37</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 2.

<sup>38</sup> Там же. С. 5.

<sup>39</sup> Там же. С. 102.

<sup>40</sup> СЗ СССР. 1935. № 8. Ст. 67.

<sup>41</sup> Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 79; Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 53, 99, 102.

- 
- <sup>42</sup> Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. М., 1967. Т. 2. С. 165.
- <sup>43</sup> Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 479, 480; Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 80; Ч. I, Док. № 30.
- <sup>44</sup> Ч. I, док. № 23; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 477.
- <sup>45</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 24–26, 33–34.
- <sup>46</sup> Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 470.
- <sup>47</sup> Советская Сибирь. 1936. 15 янв., 20 февр.; Правда. 1936. 11 февр.
- <sup>48</sup> Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 60.
- <sup>49</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 116.
- <sup>50</sup> В отличие от отмененного «нормально-хозяйственного» метода (см. § 4) урожайность по новому методу определялась следующим образом: к отчетным данным колхозов объема обмолота с одного гектара добавлялась поправка на недоучет, а также потери, «используемые в хозяйстве» (зерно, оставленное в колосе, на стерне, используемой под выпас скота; зерно, оставленное в соломе и мякине, используемых на корм скоту и птице; похищенное зерно; зерно, сверх установленных норм израсходованное на натуральное авансирование колхозников или общественное питание). В то же время при определении урожайности не учитывались потери, «не используемые в хозяйстве» (самоосыпание зерна на корню вследствие перестоя хлебов, потери при перевозке снопов на тока, при копнении и скирдовании, зерно, оставленное в стерне, соломе или мякине, но не использованное на корм скоту). Установленная таким образом урожайность была меньше «нормально-хозяйственной» (Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 474).
- <sup>51</sup> Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 366.
- <sup>52</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.
- <sup>53</sup> Резолюции пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) 7–10 января 1936 г. Новосибирск, 1936. С. 13.
- <sup>54</sup> Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 66.
- <sup>55</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 887. Л. 578об.
- <sup>56</sup> Там же. Л. 577.
- <sup>57</sup> Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 471; Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 135; Советская Сибирь. 1937. 11 июля.
- <sup>58</sup> Советская Сибирь. 1937. 11 июля.
- <sup>59</sup> Правда. 1937. 30 июня.
- <sup>60</sup> Советская Сибирь. 1937. 2 авг.
- <sup>61</sup> Цит. по: Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 136.
- <sup>62</sup> Там же. С. 145.
- <sup>63</sup> Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск, 1997. С. 162, 165.

- 
- <sup>64</sup> Ч. 1, док. № 30; Итоги хозяйственного и культурного строительства... С. 66.
- <sup>65</sup> Социалистическое строительство СССР: Ежегодник. М., 1936. С. 370.
- <sup>66</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 247, 248.
- <sup>67</sup> Там же. С. 244.
- <sup>68</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 627. Л. 112.
- <sup>69</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 224.
- <sup>70</sup> Там же. С. 247.
- <sup>71</sup> Ильиных В.А. Осень 1935 года: ликвидация крестьянства как класса продолжается // Изв. Сиб. отделения РАН. История, филология и философия. 1993. Вып. 2. С. 58–59.
- <sup>72</sup> Резолюции пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б)... С. 12.
- <sup>73</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 367. Л. 2; Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 50; Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 2.
- <sup>74</sup> Резолюции пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б)... С. 12.
- <sup>75</sup> Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 214–217.
- <sup>76</sup> Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): Стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 90, 92, 106–108, 224, 226.
- <sup>77</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 37; Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 229; Приложение 2, табл. 2.3.
- <sup>78</sup> Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 517, 549; Итоги переписи скота... С. 4–5.
- <sup>79</sup> Народное хозяйство Запсибкрая. С. 135; Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. XVII, XXIV–XXV; Новосибирская область: Справочник по хозяйству и культуре районов области. Новосибирск, 1940. С. 39.

## 6. 1938–1941 гг.

Спровоцированный массовой коллективизацией кризис сельского хозяйства в середине 1930-х гг. был в целом преодолен. В 1937 г. посевные площади в Сибири выросли по сравнению с 1932 г. на 28, посевы зерновых – на 31%. Валовой сбор зерновых в 1937 г. в 1,5 раза превосходил уровень 1932 г. С 1 июля 1933 г. по 1 января 1938 г. поголовье КРС в регионе увеличилось на 47%, коров – на 29, овец и коз – на 59, свиней – на 57%<sup>1</sup>.

Тем не менее поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции не была достигнута. Не выполнили своих пятилетних планов и сибирские власти. Наиболее отстающей отраслью оказалось животноводство. Достигнутые показатели численности скота существенно уступали уровню десятилетней давности (табл. 7). К концу 1937 г. скота в регионе было меньше, чем в 1928 г. (лошадей – на 52%, КРС – на 28, коров – на 33, свиней – на 39, овец – на 52%)<sup>2</sup>. При этом значительная часть продуктивного скота находилась в индивидуальном пользовании (см. табл. 5). На личном подворье животные получали надлежащие уход и кормление и давали соответствующую отдачу. Что же касается колхозного животноводства, то его продуктивность росла крайне медленно. К числу факторов, сдерживающих его развитие, относились низкий уровень кормопроизводства, недостаток специализированных помещений, неудовлетворительный уход за животными. Достаточно высоким оставался падеж, особенно молодняка, который резко возрастал в недородные годы.

Таблица 7

Поголовье скота в Сибири на 1 января 1938 г. (в % к 1928 г.).

Регион	Лошади	КРС	в т.ч. коровы	Овцы и козы	Свиньи
Омская область	36,7	75,9	66,4	57,6	61,7
Алтайский край	35,9	68,0	63,7	45,9	52,1
Новосибирская область	36,9	76,1	69,7	45,6	74,2
Западная Сибирь	36,5	73,2	66,7	49,1	63,5
Красноярский край	39,4	71,1	69,8	47,6	61,8
Иркутская область	47,8	64,5	67,2	49,7	47,6
Читинская область	59,9	57,0	68,7	47,7	45,4
Бурят-Монгольская АССР	56,2	52,5	52,5	49,5	44,6
Восточная Сибирь	47,3	62,0	65,5	48,2	52,9

*Источник:* Животноводство СССР за 1916–1938 гг. Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 17, 19, 36, 37, 28, 50, 54.

*Примечание:* В таблице приводятся данные по перечисленным административно-территориальным единицам в границах 1938 г.

Несмотря на увеличение по сравнению с доколхозным периодом посевных площадей (в 1937 г. в Сибири пашни было засеяно на 25% больше, чем в 1928 г. (табл. 8), зерновая проблема ни в регионе, ни в

стране в целом также не была решена. Урожаи хлебов оставались неустойчивыми. Забвение доказавших свою эффективность приемов обработки земли и внедрение непроверенных на практике агротехнических «новаций» привели к падению плодородия почв. Резко возросли потери при уборке.

Таблица 8

Посевные площади в Сибири в 1937 г. (в % к 1928 г.).

Регион	Весь посев	Зерновые	Технические	Картофель	Овощи
Омская область	146,8	134,3	286,3	221,4	154,8
Алтайский край	109,5	104,8	115,1	188,6	186,3
Новосибирская область	131,4	125,4	117,6	233,9	143,4
Западная Сибирь	125,6	118,6	143,1	214,3	157,6
Красноярский край	126,7	120,4	87,1	151,0	101,0
Иркутская область	116,0	114,8	53,1	196,0	254,2
Читинская область	129,4	131,9	64,3	182,0	400,0
Бурят-Монгольская АССР	177,9	173,4	70,0	254,8	170,0
Восточная Сибирь	125,6	124,9	67,5	173,2	153,2
Сибирь	125,6	120,2	128,1	201,7	156,2

Источник: Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): Стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 6–8, 10, 15–17, 19, 72–74, 76, 140–142, 144, 224–226, 228.

Примечание: В таблице приводятся данные по перечисленным административно-территориальным единицам в границах 1938 г.

В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных и сырьевых ресурсов. В связи с этим органы верховного управления СССР в конце 1930-х гг. пошли на существенное повышение уровня обложения деревни. Первым объектом утяжеления налогового-податного прессы стали крестьяне, оставшиеся единоличниками. 19 апреля 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление, в котором содержался призыв покончить с *«противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам, мясopоставкам и т.д.»*<sup>3</sup>. Отвечая на призыв Центра, местные власти усилили давление на единоличников. По данным прокуроров 32 районов Новосибирской области, в

1938 г. за налоговые преступления к судебной ответственности было привлечено 375 крестьян-единоличников<sup>4</sup>.

Большую часть неземледельческих доходов единоличники получали от работы на лошади вне своего хозяйства. Они обслуживали личные нужды колхозников (вспашка огородов, подвоз кормов, топлива и т.п.), занимались грузовым и пассажирским извозом (в т.ч. с временным выездом в города или на места строительства индустриальных объектов), работали на торфоразработках и лесозаготовках. Применялась лошадь и для обеспечения торговых операций (скупка продуктов в одном районе и перевозка для перепродажи в другом). Чтобы лишить единоличника основного источника дохода, было решено резко усилить налоговую нагрузку на принадлежащий им рабочий скот. В июле 1938 г. СНК СССР в 1,7 раза поднимает сумму обязательных страховых взносов на рабочих лошадях в единоличных хозяйствах<sup>5</sup>. В августе Верховный Совет СССР ввел «государственный налог на лошадей единоличных хозяйств»<sup>6</sup>. Налог на лошадей имел две ставки обложения: первая – 400 руб. за одну лошадь старше 3 лет и 700 руб. – за каждую последующую, вторая – 500 и 800 руб. соответственно. Более высокая ставка вводилась в пригородных районах и районах с большим количеством лошадей у единоличников. Для большинства районов Западной Сибири была установлена вторая, повышенная, ставка<sup>7</sup>. Хозяйство освобождалось от уплаты налога в случае вступления в колхоз и «обобществления» лошадей до 15 октября 1938 г.

Майский (1939 г.) пленум ЦК ВКП(б)<sup>8</sup> обязал ограничить площадь земель, находящихся в пользовании единоличных хозяйств, дифференцировав их максимальные размеры применительно к различным районам страны. Все «излишки» сверх этих норм предлагалось включить в колхозные земли, предназначив их, в первую очередь, для пополнения приусадебного фонда. На территории Новосибирской области во владении единоличного двора разрешалось иметь не более 1 га пашни и 0,2 га приусадебного участка, включая находящиеся на нем постройки<sup>9</sup>. Введенный в действие осенью того же года новый закон о сельскохозяйственном налоге предусматривал увеличение обложения единоличных дворов<sup>10</sup>.

Крестьяне-единоличники не выдерживали давления и ликвидировали свои хозяйства. С 1 июля 1938 г. по 1 июля 1939 г. число единоличных дворов в Алтайском крае и Новосибирской области уменьшилось в 2,1 раза, поголовье рабочих лошадей в них – в 2,5 раза. В 1939–1940 гг. сокращение количества и имущественной состоятельности единоличных хозяйств продолжилось. По переписи населения 1939 г., доля единоличников в сельском населении Западной Сибири составляла 1,7% (колхозников – 61,2, рабочих и служащих – 34,7%). На единоличный

сектор экономики в 1940 г. в Западной Сибири приходилось 0,1% посевных площадей, 0,4% поголовья КРС, 0,5% коров, 0,3% лошадей, 0,3% овец и коз, 0,4% свиней. В 1939 г. в Новосибирской области и Алтайском крае насчитывалось 22,5 тыс., в 1940 г. – 16,6 тыс., в 1941 г. – 13,3 тыс. единоличных дворов. В 1940 г. 89% из них не имели лошадей и 58% – коров. Таким образом, большинство оставшихся единоличников перестали быть крестьянами, а превратились в пауперов<sup>11</sup>.

Снижение удельного веса единоличных хозяйств, а также запрет проведения «чисток» колхозов (см. ниже) привели к увеличению уровня коллективизации. С 1 января 1938 г. по 1 июля 1939 г. он вырос в Алтайском крае с 93,8 до 97,6%, в Новосибирской области – с 90,1 до 94,8%, в Омской области – с 94,8 до 98,1%. На 1 июля 1940 г. в колхозах в указанных административно-территориальных образованиях состояло 98,4, 96,3 и 98,1% крестьянских дворов соответственно. К началу 1941 г. в Сибири насчитывалось 18,7 тыс. колхозов. Они объединяли в Западной Сибири 873,2 тыс. и в Восточной – 312,7 тыс. крестьянских дворов. В Западной Сибири на одно хозяйство приходилось 62 двора, 115 трудоспособных колхозников, 648 га посева, 80 лошадей всех возрастов, 139 голов КРС<sup>12</sup>.

В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ. Лидеры режима пришли к убеждению, что одной из причин низких темпов развития «общественного» хозяйства является отвлечение значительных трудовых ресурсов в личный сектор экономики. Действительно, колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой, а иногда практически неоплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, которые не только являлись более стабильным источником дохода, но и позволяли выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали свое хозяйство предельными нормами Устава сельхозартели, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Подобное поведение было признано недопустимым.

21 января 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали от местных властей в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения Устава сельхозартели по приусадебным участкам и количеству скота. «Излишки» скота надлежало «в обязательном порядке» сдать государству или колхозам по государственными, т.е. крайне низким ценам. Лошади, находящиеся в нарушение Устава сельхозартели в личном пользовании колхозников, подлежал безусловному «обобществлению»<sup>13</sup>. Утвержденное майским (1939 г.) пленумом ЦК постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все «излишки» сверх установленных норм<sup>14</sup>. Кроме того, в

конце июля 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, лимитирующее размеры приусадебных участков проживающих в сельской местности *«рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов»* 0,15 га, включая площадь, занятую постройками, и так же, как в случае с единоличниками и колхозниками, требующее отрезки выявленных *«излишков»*<sup>15</sup>.

В Новосибирской области в ходе проведенного в течение лета 1939 г. обмера *«излишки»* были выявлены у 11,5% хозяйств колхозников, 69,2% – единоличников и 59,6% проживающих в сельской местности рабочих и служащих. До 1 ноября было отрезано 12,5 тыс. га в 54,8 тыс. хозяйствах<sup>16</sup>.

Кампания по выявлению и изъятию *«лишней»* земли была продолжена в 1940 г. В начале марта 1940 г. президиум Новосибирского облисполкома признал неудовлетворительными результаты обмера приусадебных участков и отрезки выявленных в ее ходе *«излишков»* земли в Барзасском районе и обязал райисполком провести их заново<sup>17</sup>. В конце августа того же года вопрос о соблюдении Устава сельхозартели рассмотрело бюро обкома, констатируя его многочисленные нарушения как по нормам содержания скота, так и по размерам приусадебных участков. В его решениях местные органы власти обязывались немедленно пресекать *«всякие попытки отсталой части колхозников, направленные к расширению личного хозяйства в ущерб общественным интересам колхоза»*<sup>18</sup>.

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР *«О мероприятиях по развитию общественного животноводства»* от 8 июля 1939 г.<sup>19</sup> указывалось на то, что во многих колхозах поголовье скота в ЛПХ их членов больше, чем на колхозных фермах. Подобное положение необходимо было исправить, значительно увеличив количество скота в колхозах. В качестве одного из способов пополнения колхозного стада в постановлении называлась добровольная продажа своего скота колхозниками по государственным ценам. Однако на деле личные подворья стали основным источником пополнения колхозных ферм, а закуп скота в них фактически приобрел принудительный характер.

Ограничению пределов роста ЛПХ должны были способствовать и изменения в налоговом законодательстве. В новом законе о сельскохозяйственном налоге<sup>20</sup> на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые по отношению к единоличникам. Так же, как и у последних, размер налога с личных хозяйств членов колхозов теперь зависел от уровня годового дохода и исчислялся по прогрессивной шкале, тогда как в предшествующий период ставки их обложения были едиными и не коррелировались уровнем доходности того или иного двора<sup>21</sup>. Налоговое давление на ЛПХ помимо пополнения казны было

призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах.

Внимание властей не ограничивалось лишь ЛПХ колхозников. С 1939 г. рабочие и служащие, проживающие в деревне и имеющие какое-либо подсобное хозяйство, стали привлекаться к поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и уплате сельхозналога. Согласно ранее действующему законодательству от выполнения этих обязательств большинство из них освобождалось<sup>22</sup>.

Результатом налоговой реформы стало существенное увеличение средней суммы сельскохозяйственного налога. В Новосибирской области его общая сумма в 1939 г. выросла по сравнению с предшествующим в 2,2 раза. В 1938 г. облагаемый колхозный двор в области в среднем должен был уплатить 34 р. 91 к., а в 1939 г. – уже 96 р. 48 к.<sup>23</sup>

В конце 1930-х гг. выросла тяжесть не только денежного, но и натурального обложения ЛПХ. В 1939 г. были увеличены нормативные размеры поставок мяса и молока. В 1940–1941 гг. за счет яиц, кожевенного сырья, сыра из овечьего молока («брынзы-сыра»), табака и махорки был расширен перечень сельхозпродуктов, подлежащих обязательным поставкам личными приусадебными хозяйствами колхозников. Годовая норма сдачи овечьего молока соотносилась с наличным поголовьем, а размеры поставок козсырья и яиц были подворными и не зависели от наличия в хозяйстве мелкого скота и птицы. Задания по сдаче табака и махорки получали колхозные дворы в районах, специализирующихся на их выращивании. К сдаче мяса и молока по нормам колхозных дворов стали привлекаться проживающие в сельской местности члены промышленной кооперации, рабочие и служащие, если у них имелся скот. Ранее их ЛПХ (за исключением работников совхозов) от обязательных поставок указанных продуктов освобождались<sup>24</sup>.

Советское руководство достигло целей, которые ставило перед собой, начиная кампанию по ограничению размеров ЛПХ. Рост налогово-податной нагрузки вынуждал колхозников сокращать размеры приусадебного хозяйства. Поступательное развитие личного сектора сельской экономики было фактически остановлено. Так, количество коров в ЛПХ колхозников Алтайского края и Новосибирской области на 1 января 1940 г. по сравнению с началом 1938 г. выросло всего на 0,7% (за 1937 г. оно увеличилось на 11,2%), а поголовье КРС в целом сократилось на 9,7%. Площадь приусадебных посевов в колхозах Новосибирской области уменьшилась на 3,0%. По данным налогового учета, средняя обеспеченность ста колхозных дворов в Новосибирской области коровами снизилась с 93 голов в 1939 г. до 91 головы в 1940 г., взрослыми свиньями – с 56 до 39 голов<sup>25</sup>. Но более всего сократилось число находящихся в ЛПХ лошадей. Во-первых, под действие налога на ло-

шадей, несмотря на его официальное наименование, попадали не только единоличники, но и другие категории населения. Во-вторых, наличие лошади в колхозном дворе (за исключением районов кочевого животноводства) определялось как наиболее вопиющее нарушение Устава сельхозартели. В Новосибирской области количество лошадей за 1938–1939 гг. в ЛПХ колхозников сократилось в 4,5 раза (с 1429 до 319), рабочих и служащих – в 4,4 раза (с 23 604 до 4572)<sup>26</sup>.

Отрицательная динамика развития ЛПХ более явственно проявилась в конце 1940 и в первой половине 1941 г., что стало следствием сильно-го неурожая 1940 г. в Западной Сибири. Наиболее сильно пострадало личное животноводство. Острая нехватка кормов вызвала массовый забой скота, в первую очередь молодняка. На 1 января 1941 г. поголовье КРС на подворьях колхозников Алтайского края снизилось по сравнению с 1 января 1940 г. на 21,2%, овец и коз – на 28,2, свиней – на 78,7%<sup>27</sup>. Сокращение численности скота продолжилось и в первые месяцы 1941 г. В условиях начавшегося голода под нож пошло даже мясное поголовье. Проведенный летом этого года в относительно более благополучной, чем Алтайский край, Новосибирской области налоговый учет зафиксировал снижение приусадебных посевов (на 4,9%) и поголовья облагаемого скота (коров – на 9,5%, овец и коз – на 18,9, свиней – на 34,0%)<sup>28</sup>.

В начале 1941 г. численность КРС в ЛПХ колхозников Западной Сибири составляла 71,4%, коров – 94,3, овец и коз – 95,7, свиней – 53,0% от уровня 1 января 1938 г. В Восточной Сибири сокращение поголовья в ЛПХ колхозников было менее существенным: численность КРС за тот же период уменьшилась на 15,5%, свиней – на 24,2, а количество коров и овец осталось практически неизменным. Поголовье лошадей, принадлежавших колхозникам, за это время сократилось в 2,7 раза. В ЛПХ рабочих и служащих Сибири в целом КРС за три года стало меньше на 15,2%, коров – на 2,1, свиней – на 51,6%, а овец и коз – на 18% больше<sup>29</sup>.

Сокращение размеров личных хозяйств сельских жителей приводило к соответствующему уменьшению налогооблагаемой базы. Для компенсации потерь Верховный Совет СССР в марте 1941 г. внес поправки в действующий закон о сельхозналоге<sup>30</sup>, пересмотрев в сторону повышения нормы вмененной доходности объектов обложения, а также ставки обложения. Размеры налога вновь выросли. В 1941 г. в Новосибирской области сумма сельхозналога без учета военной надбавки, предъявляемая к уплате облагаемому колхозному двору, в среднем составляла 164 р. 30 к.<sup>31</sup>

Ставшее во второй половине 1930-х гг. систематическим невыполнение планов заготовок сельхозпродуктов колхозами вызывало крайне негативную реакцию лидеров большевистского режима. Для увеличения

их объемов власти прибегли к расширению масштабов репрессий. Так, на 15 октября 1938 г. в Новосибирской области по делам, связанным с уборкой урожая и хлебопоставками, было осуждено 462 чел. (на ту же дату 1937 г. – 238 чел.), более половины из них являлись должностными лицами, прежде всего, председателями колхозов (53 чел.) и бригадирами (94 чел.). К высшей мере наказания приговорили 28 осужденных (в 1937 г. – 2 чел.). Абсолютно большая часть дел рассматривалась выездными сессиями на открытых показательных процессах, которые широко освещались в прессе<sup>32</sup>.

Помимо репрессий власти широко использовали всю гамму административных методов воздействия на деревню, стремясь таким образом поднять производительность колхозного труда. Усилился нажим на региональные власти. За срыв выполнения заготовительных заданий стали наказываться не только районные начальники, что было обычным явлением, но и первые лица краев и областей Сибири. В декабре 1938 г. пленум Омского обкома ВКП(б), обсудив итоги сельскохозяйственного года и констатировав невыполнение плана хлебосдачи, решил снять со своего поста первого секретаря обкома Ф.П. Наумова. В феврале 1939 г. в связи с тем, что край не выполнил план хлебозаготовок и хлебозакупа, аналогичное решение принял пленум Алтайского крайкома компартии в отношении своего первого секретаря Л.Н. Гусева<sup>33</sup>.

Действенным стимулом роста объемов заготовок руководство страны считало увеличение их планов. Чтобы добиться этого, в 1939 г. были изменены нормативы исчисления натуроплаты. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод)<sup>34</sup>. При этом потери, зависящие от погодных условий и несовершенства техники и *«не используемые в хозяйстве»*, из определенного таким образом урожая не исключались. «Биологическая» урожайность зерновых приблизительно на 6–8% превосходила исчисленную по действующему в 1935–1938 гг. «фактическому» методу<sup>35</sup>, что позволило повысить величину натуроплаты, не изменяя ее расценок. «Биологическая» урожайность и исчисленный на ее основе валовой сбор не менее чем на четверть превышали амбарный урожай<sup>36</sup>. Кроме того, были увеличены расценки натуроплаты для низкоурожайных и высокоурожайных колхозов, а также введена пеня, начисляемая за просрочку ее своевременной сдачи МТС<sup>37</sup>.

В итоге в 1939/40 г. на Алтае в условиях более низкого, чем в предыдущем году, урожая удалось увеличить поступление зерна в счет натуроплаты на 22% (при выполнении годового плана ее сбора на 78,1%). Обязательные поставки при этом никакой прибавки не дали. В целом выпол-

нение годового плана централизованных хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору в 1939/40 г. составило в Алтайском крае 82,8%, в Омской области – 81,6%. Недоимки по обязательным поставкам и натуроплате в Новосибирской области выросли до 13,3 млн пудов<sup>38</sup>.

В конце 1930-х гг. одной из причин низких темпов развития колхозного производства официально были названы недостатки действующей системы госпоставок, основным из которых называлось определение объемов сдачи продуктов полеводства по установленным для колхозов планам посевов, а продуктов животноводства – по плановому (поставки мяса) или наличному поголовью (поставки молока и шерсти). Подобная практика, по мнению ее критиков, «побуждала» руководителей хозяйств добиваться уменьшения планов, «поощряла» сокращение посевов и поголовья скота, не стимулировала введение в сельскохозяйственный оборот всех колхозных земель. Для исправления данного недостатка было решено увязать объемы госпоставок с площадью закрепленной за колхозами земли. Увеличению заготовок также должно было способствовать расширение системы госпоставок за счет новых сельхозпродуктов.

Программа реформирования порядка натурального обложения колхозного производства была реализована в 1940 – начале 1941 г.<sup>39</sup> Перечень продуктов, подлежащих обязательным поставкам, в который ранее входили зерновые культуры, подсолнечник, картофель, мясо, молоко и шерсть, пополнился яйцами, овощами, сеном, льном, коноплей, кожсырьем, сыром из овечьего молока. Объемы госпоставок колхозами зерна, маслосемян, картофеля и овощей стали определяться по нормам сдачи с каждого гектара закрепленной за ними пашни, включая огороды колхозников, вне зависимости от того, засеяны облагаемые площади или нет<sup>40</sup>. В перечень площадей, облагаемых при поставках сена, также включались суходольные и заливные луга.

При установлении порайонных норм сдачи картофеля и овощей региональным властям разрешалось полностью или частично освобождать от поставок хозяйства «глубинных» районов, откуда их доставка *«к месту потребления затруднительна»*. В то же время размеры поставок для колхозов, расположенных вблизи городов, рабочих поселков, перерабатывающих предприятий, железнодорожных и водных путей сообщения, следовало повышать. Основанием для освобождения от сдачи овощей, маслосемян, льна и конопли могло служить отсутствие посевов ввиду «нецелесообразности» их выращивания в данной зоне. При этом манипуляции с объемами поставок в отдельных районах и хозяйствах не должны были привести к изменению установленных для данного региона нормативных размеров сдачи с одного гектара. Кроме того, снижение обязательств по одним культурам должно было компенсироваться их повышением по другим – прежде всего по зерновым. При

поставках сена изменение норм его сдачи исключалось. Однако колхозам отдаленных районов разрешалось вместо него сдавать хлеб, мясо, молоко и шерсть по установленным эквивалентам пересчета. Возможность замены предусматривалась также при поставках овощей, маслосемян, льна и конопля.

Объемы обязательств по поставкам мяса, молока, шерсти, «брынзы-сыра» колхозами стали определяться по годовым нормам сдачи с каждого гектара, а кожсырья – с каждых ста гектаров закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий, включая пашню, луга, пастбища, сады и огороды; по поставкам яиц – с каждого гектара пашни, облагаемой зернопоставками. Поставками облагались не только используемые, но и неиспользуемые сельхозугодья.

Вводя погектарные нормы поставок мяса, молока, шерсти, сыра из овечьего молока и кожсырья для колхозов, законодатель одновременно установил для них обязательный минимум поголовья скота, размеры которого также зависели от площади закрепленной за хозяйством земли и базовой специализации региона. Обязательный минимум поголовья определялся отдельно для молочно-товарных, свиноводческих и овцеводческих ферм. При этом каждому колхозу надлежало иметь не менее двух животноводческих ферм. Желательным же признавалось наличие трех ферм. В последнем случае хозяйство получало 10%-ную скидку с исчисленного по погектарным нормам объема мясосдачи. Минимум птицепоголовья законодательно не определялся. Введение нормативного исчисления объемов сдачи яиц с каждого гектара пашни, облагаемой зернопоставками, увязывалось с возможностью получения необходимого количества корма для птицы.

Установленного для них обязательного минимума поголовья скота всем колхозам следовало достичь не позднее конца 1942 г.<sup>41</sup>, после чего, по мнению идеологов реформирования системы госпоставок, выполнение обязательств должно было стать вполне посильным. До этого колхозам в случае нехватки продукции дозволялось вместо мяса сдавать зерно, взамен шерсти – мясо, вместо яиц – молоко, мясо и шерсть. На 1940 г. были установлены меньшие, чем базовые, нормы поставок шерсти, а на 1940 и 1941 гг. – кожсырья. По поставкам молока, яиц и сыра из овечьего молока в 1941 г. колхозам предоставляли процентные скидки от законодательно установленных погектарных норм сдачи.

Помимо вышеуказанных нововведений в 1940 г. изменился порядок натурального авансирования колхозников хлебом. На эти цели, а также на внутривозрастные нужды во время уборки и вплоть до выполнения плана заготовок колхозам впредь разрешалось использовать не более 15% от объема фактической сдачи зерна на заготовительные пункты. Ранее действующий 10–15-процентный предел расходования хлеба

исчислялся от объема намолота. Цель нововведения – стимулирование скорейшей хлебосдачи. Лимит отчислений на данные цели подсолнечника составлял 10%, картофеля и овощей – 15% от объема выполненных поставок<sup>42</sup>.

Реформирование заготовительной системы привело к существенно-му увеличению тяжести обложения полеводства, в первую очередь – зернового хозяйства. Так, в Новосибирской области план обязательных поставок на 1940 г. превышал прошлогодний более чем на треть. В связи с увеличением объема машинно-тракторных работ план сбора натуроплаты вырос на 7%. К этому добавлялись недоимки прошлых лет, увеличивавшие годовое заготовительное задание колхозам области на 18%. В целом план централизованных заготовок на 1940 г. по колхозно-крестьянскому сектору был больше прошлогоднего (с учетом гарнцевого сбора) на 19%. При этом посевы зерновых в колхозах области в 1940 г. выросли всего лишь на 3,7%<sup>43</sup>. Из-за ставшего следствием засухи низкого урожая новосибирским колхозам в первом пореформенном году надлежало сдать государству до трех четвертей реально собранного зерна<sup>44</sup>. А в наиболее недородных районах Барабинской и Кулундинской степей план по обязательным поставкам, натуроплате, ссудам и недоплатам прошлых лет превышал официально определенный валовой сбор почти на 9%, а если учитывать обязательную засыпку семян с семенных участков и натуральное авансирование колхозников, – на 29% (см. Ч. I, док. № 36).

В докладной записке бригады управлений НКГБ и НКВД по Новосибирской области, обследовавшей в начале лета 1941 г. Сузунский район, был сделан следующий вывод: *«Резкое несоответствие между наличием пахотоспособных земель, подлежащих обложению госпоставками, с одной стороны, и фактически используемой (засеваемой) площадью – с другой, в некоторых колхозах привело к тому положению, что эти колхозы в течение ближайшего ряда лет не имеют никаких возможностей к тому, чтобы полностью рассчитаться с государством по всем видам гос. поставок, и что хуже всего, такое бесперспективное положение лишает инициативы членов этих колхозов, что ведет к дальнейшему ослаблению трудовой дисциплины со всеми вытекающими отсюда последствиями»*<sup>45</sup>.

В этих условиях в качестве «стимула» к выполнению заготовительных планов вновь широко стали применяться репрессии, которые в первую очередь обрушились на председателей колхозов. В III квартале 1940 г. в Новосибирской области в связи с заготовками сельхозпродуктов и осенними полевыми работами было привлечено к уголовной ответственности 287 сельских функционеров, в т.ч. 176 – за «разбазаривание» хлеба, 48 – за его «порчу», 21 – за потери при уборке, 2 – за зани-

жение урожайности. Большую часть привлеченных к суду (231 чел.) и осужденных (222 из 276) составляли председатели колхозов. В октябре против них было возбуждено еще 42 судебных дела<sup>46</sup>. 17 октября 1940 г. ЦК ВКП(б) принял решение о снятии со своего поста первого секретаря Алтайского крайкома А.А. Андриенко, обвинив его в «неудовлетворительном руководстве хлебопоставками»<sup>47</sup>. Давление на колхозы усилилось. Хозяйства, выполнившие обязательства, побуждали «в добровольном порядке» оказывать помощь отстающим, погашая за них часть недоимок. На страницах газет пропагандировалась такая форма участия колхозников в заготовках, как сдача ими зерна из своих личных запасов в счет невыполненных колхозом поставок.

В конце 1930-х гг. государство не ограничивалось только фискальными методами воздействия на деревню. Предпринимались меры к улучшению агротехники, качества семян, породности скота. В рамках одобренного июньским (1937 г.) пленумом ЦК ВКП(б) постановления СНК СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур»<sup>48</sup> создавались семеноводческие хозяйства и сортоиспытательные участки. Улучшение семенного дела привело к росту сортовых посевов. В 1938 г. в колхозах Алтайского края они составляли 69,3%, а в 1940 г. – 74,6% посевных площадей. В Новосибирской области в 1937 г. сортовыми семенами было занято 39%, а в 1939 г. – 73,2% посевов зерновых<sup>49</sup>.

Прогрессирующее снижение плодородия почв стимулировало поиск оптимальных агротехнологий. По итогам состоявшейся в 1937 г. общесоюзной дискуссии о севооборотах было принято решение о необходимости внедрения в большинстве регионов страны травопольной системы земледелия. Травополье представляет собой разработанную известным российским почвоведом академиком В.Р. Вильямсом систему земледелия, восстановление плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного (до 50%) клина сеяных трав.

В Сибири первые опыты по разработке травопольных севооборотов начались еще до Октябрьской революции и продолжились в послереволюционный период. В разработанном в 1926 г. специалистами Сибкрайземуправления Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края<sup>50</sup>, а также в Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края (см. § 1) травопольная система земледелия рассматривалась как единственная основа агротехнологической перестройки сельского хозяйства региона. Травополье должно было заменить преобладающие в регионе в начале XX в. залежную и парозалежную системы земледелия. При залежной системе истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки (в залежь) и вновь вовлекалась в оборот после естественного восстановления плодородия. В парозалежной системе для этого использовали не

только залежь, но и чередование посева с паром. Массовое крестьянское переселение в начале XX в. привело к многократному увеличению посевов. Площадь свободных целинных земель сокращалась, что приводило к вовлечению в полевой оборот не восстановившей плодородия залежи. В свою очередь это приводило к снижению урожайности. Переход к травопольной системе земледелия позволял повысить плодородие почв и существенно увеличить кормовую базу животноводства. Мнение о необходимости перехода к травополью разделяло и партийное руководство Сибирского края.

Однако уже в 1930 г. отношение к данной системе земледелия у партийных функционеров изменилось. Предполагаемое при массовом внедрении травополья значительное увеличение площадей, занятых сеяными травами в основном за счет сокращения посевов зерновых, по мнению оппонентов «травяного шаблона», противоречило поставленной Коммунистической партией задаче – разрешить зерновую проблему. Исходя из этого, травопольная система земледелия стала рассматриваться как агротехнологическая диверсия, направленная на срыв социалистического строительства<sup>51</sup>.

Начавшийся после принятия в сентябре 1932 г. постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности»<sup>52</sup> поиск оптимальных севооборотов активизировал сторонников травополья. Так, агроном Козинкин на страницах издаваемого в Новосибирске журнала «Социалистическое земледелие» попытался доказать, что больший сбор пшеницы с единицы посевной площади и более низкую ее себестоимость дают травопольные севообороты. Точка зрения последнего была подвергнута жесткой критике со стороны председателя оргбюро краевого общества аграрников-марксистов Ф.А. Хоробрых, который указывал на то, что внедрение данной системы земледелия снижает удельный вес пшеницы в общей площади посева, что противоречит указаниям ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКЗ СССР и крайземуправления. В связи с этим Хоробрых заявил, что *«травополье в условиях зерновой зоны Западной Сибири – это идеология наиболее консервативной части агрономических работников, пытающихся практически дискредитировать проводимые партией агромероприятия»*<sup>53</sup>.

Обвинение в консерватизме сторонников травополья выглядит тем более парадоксально на фоне принятия крайземуправлением выводов бригады специалистов Наркомзема СССР, посчитавших *«вполне естественным»* широкое распространение в крае трехполья и, более того, предложивших *«во многих случаях многопольные севообороты переделывать на трехпольные»* (см. Ч. I, док. № 25). В то же время трехполье уже в конце XIX в. воспринималось в агрономической науке как безнадежно

устаревшее, поскольку вело к прогрессирующему снижению плодородия почв и не создавало надежной кормовой базы для животноводства.

Запсибкрайземуправление прислушалось к выводам специалистов Наркомзема и предложило в качестве оптимальных для зерновых хозяйств два типа севооборотов: пшенично-паровое трехполье для засушливых и вновь освоенных (незасоренных) земель и паропропашное пятиполье для остальных<sup>54</sup>. В 1933 г. началось внедрение указанных севооборотов, вылившееся в очередную шумную, но малоэффективную кампанию (подробнее см. § 5). Многопольные паропропашные севообороты были внедрены лишь в совхозах. В большинстве колхозов «правильные» севообороты существовали только на бумаге, а фактически преобладающей системой земледелия стало паровое зерновое трехполье, в юго-западных районах Сибири – с элементами залежной системы. При этом сохранение массивов залежных земель было связано не столько с сознательным выбором агротехники, сколько с отсутствием трудовых и технических ресурсов для их освоения<sup>55</sup>.

Во второй половине 1930-х гг. подходы к агротехнике начали изменяться. Все большее число специалистов земельных органов стало приходить к выводу о бесперспективности трехполья. Не могло заменить его и паропропашное многополье, эффективно функционирующее лишь при условии широкомасштабного применения минеральных удобрений, выпуск которых в СССР был минимален<sup>56</sup>.

В середине 1936 г. в докладной записке Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б) и СНК СССР «По вопросу повышения урожайности и доходности колхозов в южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края»<sup>57</sup> в качестве одной из основных мер по улучшению плодородия почв называлось внедрение травопольных севооборотов. По мнению авторов докладной записки, *«введение травосеяния для Кулундинских районов имеет также решающее значение в деле развития животноводства, намного увеличивая кормовые ресурсы»*.

Предложение руководства края было принято. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 декабря 1936 г. «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края» (см. Ч. I, коммент. 96) ставилась задача *«в течение ближайших 5–6 лет ввести во всех колхозах районов Кулундинской степи <...> севообороты с многолетними травами»*. Компенсировать потери зерна от массового внедрения травополья должно было расширение площади пахотных земель *«за счет освоения целины и многолетней залежи»*.

Июньский (1937 г.) пленум ЦК ВК(б) *«одобрил в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения»* внесенный комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект, в котором предлагался переход к травополью уже в масштабах всей страны<sup>58</sup>.

В проекте указывалось, что в рамках ранее внедряемых в СССР паропропашных севооборотов основные технические культуры и пшеница *«не обеспечивались в достаточной степени лучшими для них предшественниками»*. Существовавшая система земледелия также не позволяла получать *«необходимого количества кормовых трав для роста колхозного животноводства в степных зерновых районах»*, что оставляло хозяйство колхозов этих районов *«односторонним и малодоходным, недостаточно устойчивым против засух и суховеев»*.

Повсеместное внедрение травополья должно было привести к увеличению не только посевов трав, но и зерновых. Во-первых, в зерновых районах травы должны были занимать от 20 до 30% пашни, а не 50%, как в травопольных севооборотах, внедряемых в 1920-е гг. Во-вторых, колхозы и совхозы были обязаны за счет освоения целинных и залежных земель расширить площадь обрабатываемой пашни. Уменьшение площади, занятой зерновыми, допускалось *«как крайняя мера в тех колхозах, которые не имеют земли для расширения пашни и где не может быть допущено по климатическим условиям занятие той или иной части паров под травами»*.

С целью компенсации сокращения посевов зерновых в подобных хозяйствах был разработан первый общесоюзный «целинный проект», нормативно оформленный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»<sup>59</sup>. В соответствии с постановлением предполагалось в течение 1940–1942 гг. за счет целинных, залежных и переложных земель увеличить площадь пашни в указанных районах на 4345 тыс. га, засеяв их преимущественно яровой пшеницей. Для обеспечения выполнения плана предусматривалось создание 136 новых МТС. Нехватку рабочей силы решили частично компенсировать за счет расширения масштабов переселения колхозников из трудоизбыточных районов европейской части РСФСР (см. ниже). Постановление также обязывало власти указанных в нем областей и краев активизировать внедрение травопольных севооборотов на старопахотных землях.

Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 г. в Западной Сибири освоили 898,6 тыс. га целинных и залежных земель<sup>60</sup>. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1941 г. их ввели лишь в каждом шестом колхозе Омской области<sup>61</sup>. В остальных районах Сибири ситуация была еще хуже.

В 1938–1940 гг. продолжалась работа по рационализации организации и оплаты труда в колхозах. В колхозных бригадах в массовом порядке стали создаваться постоянные звенья, число и состав которых определялись характером выполняемых работ (пахота, прополка, уборка и т.п.). В 1938 г. в Западной Сибири насчитывалось около 11 тыс. звеньев. Звеньевая система охватывала примерно 39% всех колхозов и 10% посевной площади полеводческих бригад. В среднем на одно звено приходилось 10 колхозников и 42 га посева. В Новосибирской области в 1939 г. было создано 5,8 тыс., а в 1940 г. – 11,7 тыс. постоянных звеньев<sup>62</sup>.

Рядом постановлений предусматривалось материальное поощрение колхозников за конечные результаты производства (дополнительное начисление трудодней за перевыполнение плана урожайности, высокие надои). Одновременно вводилась практика списания трудодней за плохую работу<sup>63</sup>. На майском (1939 г.) пленуме ЦК ВКП(б) был установлен обязательный годовой минимум трудодней. Трудоспособные колхозники, не выработавшие в течение года данного минимума, подлежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка<sup>64</sup>.

19 апреля 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) запретили проведение чисток колхозов и исключение из них за незначительные проступки<sup>65</sup>. В тот же день было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в котором устанавливался лимит расходов колхозных денежных доходов на административно-хозяйственные нужды и в неделимые фонды – 2 и 10% соответственно; 60–70% денежных средств должны были направляться на оплату трудодней<sup>66</sup>. Данная установка мотивировалась тем, что во многих колхозах практически все получаемые финансовые средства тратили на оплату административному персоналу, его содержание, наем рабочей силы со стороны, производственные нужды. Денег же для распределения на трудодни практически не оставалось. Во многих хозяйствах колхозники денег вообще не получали.

Однако вскоре решение о фиксации фонда оплаты труда было признано ошибочным. В начале декабря 1938 г. положение об обязательном распределении 60–70% денежных доходов между колхозниками отменяется, нормы отчисления в неделимые фонды увеличиваются до 12–15% в зерновых районах и до 15–20% в районах возделывания технических культур и животноводства<sup>67</sup>.

В рамках реализации установок майского (1939 г.) пленума ЦК ВКП(б) на упорядочение «общественного» землепользования в регионе была проведена кампания по ликвидации расположенных на колхозных землях хуторов, которые, по мнению инициаторов данного мероприятия, мешали правильному использованию земли и применению сельхозтехники. За 1939–1940 гг. в Алтайском крае и Новосибирской области было переселено свыше 6,6 тыс. хуторских дворов<sup>68</sup>.

Майский пленум ЦК также активизировал плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь. В его постановлении «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» отмечалось, что ввиду недостатка земель для наделения колхозников приусадебными участками по установленным нормам в малоземельных районах необходимо переселение членов колхозов из таких районов в многоземельные<sup>69</sup>. Организованное переселение в Сибирь должно было смягчить недостаток трудовых ресурсов в колхозах региона. В 1939 г. в Восточную Сибирь прибыло 18 тыс. переселенцев, в Омскую область – 12,8 тыс. В 1940 г. в Западной Сибири было принято 46,5 тыс. семей (221,5 тыс. чел.), в Восточной Сибири – 9,7 тыс. (46,5 тыс.)<sup>70</sup>.

Продолжалась механизация колхозного производства (табл. 9), хотя ее темпы в связи с переключением промышленности на преимущественное производство военной продукции снизились. За три года в Западной Сибири было построено 75 новых МТС, в Восточной Сибири – 48. Всего в регионе к началу 1941 г. насчитывалось 720 МТС. Они обслуживали около 80% колхозов. Тракторный парк МТС вырос на 28%, число комбайнов – в 1,9 раза<sup>71</sup>. При этом в связи с сокращением поставок новой техники возросла изношенность тракторного и машинного парка МТС.

Таблица 9

Механизация основных сельскохозяйственных работ в колхозах (%)

Край, область	Посев яровых		Уборка зерновых комбайнами	
	1938 г.	1940 г.	1938 г.	1940 г.
Алтайский	60	67	57	60
Новосибирская	40	50	35	51
Омская	51	59	59	63
Красноярский	41	51	31	45
Иркутская	39	44	23	34
Читинская	33	49	33	48

*Источник:* Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 31.

В начале февраля 1938 г. СНК СССР принял постановление «О порядке финансирования МТС», в соответствии с которым ассигнование всех затрат МТС стало осуществляться за счет госбюджета<sup>72</sup>. Ранее расходы на собственное содержание МТС обеспечивались продажей государству полученной от колхозов в счет натуроплаты продукции. В неуродные годы это приводило к существенному снижению оплаты тру-

да механизаторов. Многие из них в связи с этим уходили из МТС. Жесткие преграды оттоку квалифицированных кадров из машинно-тракторных станций поставил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», действие которого 17 июля было официально распространено на работающих в МТС бригадиров тракторных бригад, трактористов, комбайнеров и их помощников<sup>73</sup>. Указ от 26 июня предусматривал судебную ответственность рабочих и служащих за *«прогул без уважительной причины»*<sup>74</sup> в виде исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% заработной платы. Наказанием за самовольный уход с работы являлось тюремное заключение сроком от 2-х до 4 месяцев. В Новосибирской области по данному Указу в 1940 г. было осуждено 2184 тракториста и 505 комбайнеров<sup>75</sup>.

Новое совхозное строительство в конце 1930-х гг. было связано с ухудшением продовольственной ситуации в городах и рабочих поселках. Бурный рост численности населения в них не сопровождался соответствующим наращиванием снабжения сельхозпродуктами. Расположенные в пригородной зоне колхозы, на которые возлагалась эта задача, со своими обязанностями не справлялись. Более того, в 1935–1937 гг. в Сибири произошло сокращение колхозных посевов картофеля и овощей – на 14,8 и 19,5% соответственно. Посадки данных культур в государственном секторе сельской экономики снизились еще более резко – на 54,6 и 61,1%<sup>76</sup>.

В этих условиях принимается решение о создании сети пригородных совхозов, которые объединяются в тресты. В Новосибирской области в конце 1939 г. областной трест пригородных совхозов включал 29 хозяйств (за год до этого – 23)<sup>77</sup>. Тресты первоначально входили в систему Наркомзема РСФСР, подчиняясь на местах краевым и областным земельным отделам. Однако в 1940 г., после создания в Наркомате зерновых и животноводческих совхозов РСФСР управления овощных совхозов, пригородные тресты были переданы в ведение региональных структур Наркомата, которые располагали большими возможностями для наращивания материально-технической базы пригородных хозяйств. Новый импульс развития получили подсобные хозяйства ОРСов, предприятий и учреждений. В начале сентября 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее директоров предприятий создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления *«для улучшения продовольственного снабжения рабочих и служащих»*<sup>78</sup>. В то же время число крупных специализированных зер-

новых и животноводческих совхозов в регионе в конце 1930-х гг. практически не изменилось.

Состояние источниковой базы не позволяет осуществить детальную годовую реконструкцию динамики сельскохозяйственного производства в конце 1930-х гг. В январе 1939 г. перепись скота не проводилась. Итоги переписи 1940 г. по Сибири в целом опубликованы не были. В официальных статистических сборниках приводятся данные о размерах посевных площадей лишь за 1938 и 1940 гг. За 1939 и 1941 гг. мы располагаем неполными сведениями. Несмотря на это, имеющиеся материалы позволяют определить основные тенденции развития аграрного производства в указанный период.

В 1938 г. в регионе был зафиксирован относительно высокий показатель увеличения посевных площадей – 5,8% (во всех категориях хозяйств). Однако в последующие годы темпы их наращивания резко снизились. Более того, в колхозах Западной Сибири в целом в 1939 г. пашни засеяли на 1,9% меньше, чем в предыдущем. В Алтайском крае и Омской области площадь посева уменьшилась на 3,6 и 2,0%, а в Новосибирской области увеличились на 0,4%. В 1940 г. колхозный посев в западной части региона вырос на 3,6%, в 1941 г. – на 2,2%. В колхозах Восточной Сибири прирост в 1939 г. составил 1,5%, в 1940 г. – 2,9, в 1941 г. – 5,1%. В колхозном секторе аграрной экономики региона в целом площадь посева в 1940 и 1941 гг. увеличилась по сравнению с 1938 г. на 2,3 и 5,2% соответственно. По всем категориям хозяйств Сибири прирост посевных площадей в 1939–1940 гг. равнялся 4,4% (в 1937–1938 гг. – 11,3%)<sup>79</sup>. Посевы в совхозах и других государственных хозяйствах в конце 1930-х гг. наращивались быстрее, чем в колхозах. В Новосибирской области в 1939 г. пашни в государственном секторе сельской экономики засеяли на 11,1% больше, чем в 1937 г., а в колхозах – на 5,4%.<sup>80</sup> Наращивание посевных площадей в совхозах обеспечило пригородные хозяйства.

Негативное влияние на динамику развития растениеводства в Западной Сибири оказали низкий урожай 1939 г. и катастрофический недород 1940 г. По официальным данным, валовой сбор зерновых в Западной Сибири снизился со 122,1 млн ц в 1938 г. до 100,9 млн и 72,3 млн ц в 1939 и 1940 гг. В Алтайском крае зерна в 1940 г. собрали 2,2 раза меньше, чем в 1938 г. Однако состояние сельского хозяйства в рассматриваемый период не всегда было напрямую связано с природным фактором. Так, 1938 г. оказался самым высокоурожайным в Западной Сибири за 1930-е гг.<sup>81</sup> Однако весной следующего 1939 г. площадь посева в колхозах региона не только не выросла, но даже сократилась (см. выше). Проблемы колхозного производства имели не природно-климатический, а системный характер.

О сдвигах в хозяйственной структуре полеводства можно судить по материалам Новосибирской области, которые, по нашей оценке, репрезентативны по отношению к Сибири в целом. Доля колхозов в общей площади посева незначительно уменьшилась (с 82,4% в 1937 г. до 82,0% в 1940 г.), а государственных хозяйств увеличилась (с 13,2% в 1937 г. до 13,9% в 1939 г.). Удельный вес единоличных посевов снизился с 0,5% в 1937 г. до 0,2% в 1939 г. Относительные и абсолютные размеры приусадебных посадок колхозников в 1937–1938 гг. продолжали расти, а с 1939 г. начали сокращаться<sup>82</sup>.

Данные по Новосибирской области являются достаточно представительными и для анализа изменений в соотношении культур (см. Приложение 1, табл. 1.8). За счет высоких темпов наращивания посевов трав (+113% за 1937–1940 гг.) удельный вес кормовых культур вырос с 4,3 до 7,3%. Темпами, превышающими средние (+10,3), увеличивались посевные площади овса (+15,1%) и ячменя (+56,0%). Пшеницы в 1940 г. посеяли на 5% больше, а конопли, проса и льна – на 20,5, 21,0 и 3,0% меньше, чем в 1937 г. Рост посадок картофеля и овощей в пригородных совхозах не компенсировал их снижение в личном секторе экономики. В итоге площадь посева этих культур в целом даже несколько снизилась – на 1,6 и 0,7%. Меньше стала и их доля в общей посевной площади.

В 1938, 1939 и начале 1940 г. в большинстве краев и областей Сибири сохранялись умеренные темпы увеличения численности скота в колхозах. В совхозах относительно быстро наращивалось конское поголовье, а прирост стада продуктивного скота был менее существенным. Во второй половине 1940 г. в колхозах и совхозах Западной Сибири поголовье скота стало сокращаться. Недород трав привел к увеличению падежа. Ситуацию осложняло отсутствие помещений для животных, закупленных в ЛПХ и совхозах. В связи с невыполнением плана хлебозаготовок колхозам разрешили сдавать в счет хлебопоставок мясо. Многие из-за отсутствия кормов охотно этим воспользовались. Тем не менее за счет приобретенного скота потери отчасти удалось компенсировать. В итоге за год в колхозах региона поголовье лошадей выросло на 2,1%, овец и коз – на 4,6%, а численность КРС сократилась всего лишь на 3%. Достаточно глубоким оказалось лишь падение свиноголовья – 27,5%<sup>83</sup>.

В целом за период 1938–1940 гг. в колхозах Сибири поголовье лошадей увеличилось на 15,5%, КРС – на 11,7, коров – на 13,7, овец и коз – на 57,9, свиней – на 9,8%. В совхозах и других государственных сельхозпредприятиях складывалась иная ситуация. Количество лошадей в них за три года выросло на 23,2%, а КРС в целом, коров, овец и коз уменьшилось соответственно на 23,3, 13,2 и 22%. Сокращение числа свиней составило 4%<sup>84</sup>. Падение поголовья крупного и мелкого рогатого скота в гос-

хозах стало следствием относительно низких темпов их прироста в 1938 г., отчуждения значительной части молодняка для пополнения колхозных ферм и сверхнормативного падежа зимой 1940/1941 г. Потери свиноголовья в значительной мере были компенсированы за счет его наращивания в подсобных хозяйствах предприятий и учреждений.

Рост коневодства в совхозах и колхозах отражал повышенное внимание к этой отрасли со стороны властей. Дефицит живой тягловой силы тормозил развитие сельского хозяйства в целом. Но особенно негативно он отражался на кормопроизводстве, которое было практически немеханизированным. В связи с этим теория «отмирания коня» была названа «вредительской». Кроме того, в преддверии надвигающейся войны лошади рассматривались как важный мобилизационный ресурс. Позитивные результаты овцеводства явились следствием его большей «засухоустойчивости», а также относительно низкого уровня налогово-податного обложения овец и коз.

Кампания по ограничению размеров ЛПХ в сочетании с неурожаем 1940 г. отрицательно сказалась на показателях животноводства в Западной Сибири. На 1 января 1941 г. КРС в хозяйствах всех категорий было на 11,3%, а свиней – на 27,1% меньше, чем в начале 1938 г. Количество коров в регионе уменьшилось на 0,6%. В то же время поголовье овец и коз выросло почти на 22%, а лошадей – на 13%. В Восточной Сибири ситуация в животноводстве была в целом более благополучной. Поголовье свиней там сократилось всего лишь на 9%, прирост овец и коз составил 30%, количество коров увеличилось всего лишь на 4%, а численность КРС вернулась к показателям трехлетней давности.

Сведения о похожей структуре поголовья на 1 января 1941 г. приведены в табл. 10.

Таблица 10

Структура поголовья в Сибири по категориям хозяйств  
на 1 января 1941 г. (%)

Тип хозяйства	Лошади	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
Колхозы	81,2	48,6	35,5	61,1	40,5
Совхозы и госхозы	16,9	8,4	7,5	7,1	13,5
ЛПХ колхозников	0,6	28,4	36,1	27,1	35,7
ЛПХ рабочих и служащих сельской местности	Нет свед.	9,0	12,8	3,1	4,7
ЛПХ рабочих и служащих городской	Нет свед.	4,3	7,5	0,7	4,3

местности					
-----------	--	--	--	--	--

*Источник:* Численность скота в СССР. С. 11, 18, 26, 34, 49, 56, 63, 70, 77, 91, 98, 105, 112, 119, 133, 140, 147, 160, 154, 172, 178, 185, 192, 199, 213, 220, 227, 234.

*Примечания:* 1) Таблица включает обобщенные данные по Бурят-Монгольской АССР, Алтайскому и Красноярскому краям, Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской и Читинской областям в послевоенных границах. 2) Сведения о численности скота в единоличных хозяйствах в источнике отсутствуют.

Основные направления произошедших в 1938–1940 гг. структурных сдвигов очевидны. Доля колхозов в поголовье выросла, а ЛПХ – снизилась. Ведущая позиция колхозов в разведении КРС и овец еще более укрепилась, по численности свиней они значительно опередили приусадебные хозяйства колхозников, а по количеству коров фактически сравнялись с последними. Причем подобное перераспределение ролей произошло главным образом в течение одного 1940 г. В предвоенные годы продолжилось снижение роли совхозов и госхозов в разведении крупного и мелкого рогатого скота, а их доля в поголовье лошадей и свиней выросла.

В начале 1941 г. ситуация в колхозно-совхозном животноводстве Западной Сибири еще более ухудшилась. Существенно расширились масштабы падежа скота от бескормицы. Проведенная бригадой управлений НКГБ и НКВД по Новосибирской области проверка 5 колхозов Сузунского района выявила, что за первое полугодие 1941 г. в них пало 30% лошадей, 22% КРС, 39% свиней, 25% овец. В докладной записке, составленной членами комиссии, отмечались следующие причины падежа животных: *«1) Во всех обследуемых нами колхозах план сеноуборки 1940 г. был не выполнен, скот кормами на зиму 1941 г. был не обеспечен, т.к. сенокосные угодия остались не использованными в больших размерах.*

*2) Скот падал главным образом от незаразных болезней на почве общего истощения и варварского содержания и использования скота (особенно лошадей), и лишь в отдельных случаях скот падал от заразных болезней, распространению которых также в значительной мере способствовало общее истощение скота»<sup>85</sup>.*

На 1 июня 1941 г. лошадей в колхозах Убинского района было меньше, чем на 1 января на 21%, КРС – на 39, свиней – на 51, овец – на 25%<sup>86</sup>. В начале 1941 г. сокращение численности скота продолжилось и в личном секторе экономики (см. выше).

Сверхнормативное изъятие зерна в ходе хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. привело к тому, что многие колхозы не имели возможности сформировать продовольственные, фуражные и семенные фонды.

Зимой на Алтае, юге и западе Новосибирской области и северо-западе Омской начался сильный голод. Сельские жители ели суррогаты, мясо павших животных, опухали и умирали от недоедания. Распространенным явлением вновь стали коллективные невыходы колхозников на работу и их бегство из деревни. В итоге колхозы и сибирская деревня в целом вошли в Великую Отечественную войну с существенно ослабленным «общественным» и личным хозяйством.

---

<sup>1</sup> Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 476; Приложение 1, табл. 1.4; Приложение 2, Табл. 2.3, 2.4.

<sup>2</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 17, 19, 36, 37, 28, 50, 54.

<sup>3</sup> СП СССР. 1938. № 18. Ст. 117.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 625. Л. 46.

<sup>5</sup> СП СССР. 1938. № 45. Ст. 269.

<sup>6</sup> Известия. 1938. 24 авг.

<sup>7</sup> Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенный период (1935–1941). Новосибирск, 1975. С. 46.

<sup>8</sup> СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235.

<sup>9</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 174.

<sup>10</sup> Разница в порядке уплаты сельхозналога с колхозниками заключалась в том, что единоличные хозяйства облагались по другой, имеющей более высокую степень прогрессии, подоходной шкале. Кроме того, в облагаемую базу у семей единоличников включался весь доход, полученный от продажи сельхозпродуктов по рыночным ценам (ранее у них учитывалось 75% таких доходов) (Там же. С. 189).

<sup>11</sup> Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 50, 52, 75; Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 16, 32; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 28.

<sup>12</sup> Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 50; Крестьянство Сибири в период упрочения... С. 28; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 108.

<sup>13</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 163–165.

<sup>14</sup> СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235.

<sup>15</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 185.

<sup>16</sup> Там же. С. 194.

<sup>17</sup> ГАНО. Сборник постановлений и распоряжений президиума Новосибирского облисполкома. 1940. № 18. Ст. 46.

- 
- <sup>18</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 193. Л. 80.
- <sup>19</sup> СП СССР. 1939. № 42. Ст. 316; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 2. С. 713–719.
- <sup>20</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 23 сент.
- <sup>21</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 59–61.
- <sup>22</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 152.
- <sup>23</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 61.
- <sup>24</sup> Там же. С. 132, 143.
- <sup>25</sup> Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 60–61.
- <sup>26</sup> Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С. 69.
- <sup>27</sup> ЦХАФАК. Ф. Р-718. Оп. 18. Д. 1905. Л. 25; Д. 1906. Л. 8.
- <sup>28</sup> ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 4. Д. 26. Л. 163–163об.; Оп. 5. Д. 21. Л. 2–3.
- <sup>29</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157; Численность скота в СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 140, 147, 160, 154, 172, 178, 185, 199.
- <sup>30</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 9 марта.
- <sup>31</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 61.
- <sup>32</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 227–232.
- <sup>33</sup> ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1491. Л. 178; ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 218. Л. 30.
- <sup>34</sup> СП СССР. 1939. № 33. Ст. 231.
- <sup>35</sup> Рассчитано по данным: Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 480, 481.
- <sup>36</sup> Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 138.
- <sup>37</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 118.
- <sup>38</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 243, 247, 248.
- <sup>39</sup> См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 129–132, 142–144.
- <sup>40</sup> При исчислении поставок названных продуктов и сена от обложения освобождались посевы сахарной свеклы, льна, конопли, табака, махорки, мака, рыжика, эфирномасличных и лекарственных культур, а также площади, занятые плодово-ягодными насаждениями.
- <sup>41</sup> До конца 1940 г. количество скота в колхозах нужно было довести до 60% обязательного минимума.
- <sup>42</sup> Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 132.
- <sup>43</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 103. Л. 39; Д. 186. Л. 211; Оп. 5. Д. 356. Л. 13.
- <sup>44</sup> Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 134.
- <sup>45</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 126. Л. 12об.–13.
- <sup>46</sup> Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 250. Л. 41, 43.
- <sup>47</sup> ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 7, 9.

- 
- <sup>48</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 392–403.
- <sup>49</sup> Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 148.
- <sup>50</sup> См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. С. 611.
- <sup>51</sup> См.: Хоробрых Ф.А. Кондратьевщина и вопросы развития сельского хозяйства Сибири // Жизнь Сибири. 1930. № 11–12; Он же. Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск, 1931.
- <sup>52</sup> Советская Сибирь. 1932. 1 окт.
- <sup>53</sup> Социалистическое земледелие. 1932. № 4. С. 21–23, 23–26.
- <sup>54</sup> Там же. 1933. № 1. С. 10.
- <sup>55</sup> Так, например, в Сузунском районе Новосибирской области колхозы в 1941 г. использовали под посев 45–48% пахотных земель (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 126. Л. 7об).
- <sup>56</sup> В 1936 г. в колхозах Западно-Сибирского края минеральные удобрения были внесены на 0,6% площади посева яровой пшеницы (Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 135).
- <sup>57</sup> ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 627. Л. 96–110.
- <sup>58</sup> Правда. 1937. 30 июня; Советская Сибирь. 1937. 9 июля.
- <sup>59</sup> Решения партии и правительства... Т. 2. С. 749–752.
- <sup>60</sup> Крестьянство Сибири в период упрочения... С. 45.
- <sup>61</sup> Сельское хозяйство Сибири. 1956. № 2. С. 17.
- <sup>62</sup> Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 42.
- <sup>63</sup> Там же. С. 40.
- <sup>64</sup> СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235. Для колхозов Новосибирской области годовой обязательный минимум составлял 80 трудодней.
- <sup>65</sup> Там же. 1938. № 18. Ст. 115.
- <sup>66</sup> Там же. Ст. 116.
- <sup>67</sup> Правда. 1938. 5 дек.
- <sup>68</sup> Крестьянство Сибири в период упрочения... С. 23.
- <sup>69</sup> СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235.
- <sup>70</sup> Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 608.
- <sup>71</sup> Крестьянство Сибири в период упрочения... С. 29–30.
- <sup>72</sup> Правда. 1938. 6 февр.
- <sup>73</sup> Советская Сибирь. 1940. 27 июня, 19 июля; Ведомости Верховного Совета. 1940. 5 июля.
- <sup>74</sup> В соответствии с разъяснением ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС прогулом считалось двадцатиминутное опоздание на работу без уважительных причин (Советская Сибирь. 1939. 10 янв.).
- <sup>75</sup> Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 245.
- <sup>76</sup> Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): Стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 224–226, 228, 234.

---

<sup>77</sup> Новосибирская область в 1939 г.: Стат. справочник. Новосибирск, 1940. С. 160.

<sup>78</sup> Решения партии и правительства... С. 773. В начале октября 1940 г. Новосибирский облисполком принял решение о выделении из государственного земельного фонда 35,2 тыс. га для подсобных хозяйств промышленных предприятий городов Новосибирска, Сталинска, Анжеро-Судженка, Гурьевска, Кемерово, Кисилевска, Прокопьевска, Томска и Ленинск-Кузнецка (ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 71. Л. 96–97).

<sup>79</sup> Посевные площади СССР. С. 6–8, 10; Приложение 1, табл. 1.4, 1.7; Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1957. С. 164. Данные о посевных площадях в колхозах региона приведены без учета Бурятии.

<sup>80</sup> Новосибирская область в 1939 г. С. 160.

<sup>81</sup> Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 137, 149.

<sup>82</sup> Новосибирская область в 1939 г. С. 160.

<sup>83</sup> Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 152; Итоги переписи скота... С. 69; Численность скота в СССР. С. 133.

<sup>84</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157; Численность скота в СССР. С. 56, 63, 70, 77, 91, 98, 105, 119, 112, 133.

<sup>85</sup> ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 126. Л. 7.

<sup>86</sup> Там же. Оп. 5. Д. 356. Л. 155–158; Ч. I, док. № 39.